

Сын Дога

Автор:

Алекс де Клемешье

Сын Дога

Алекс де Клемешье

Дозоры

Когда неведомый злой гений пытается исследовать структуру Сумрака научными методами, когда в тюрьмах заключенные-Иные творят беспредел, когда старые и новые друзья просят о помощи – очень трудно оставаться в стороне. Но как разорваться, как все успеть, особенно если главный виновник недавних событий все еще на свободе, если Дозоры ищут его совсем не там, а ты практически лишен Силы?

Деревенский участковый милиционер и руководитель районного отделения Ночного Дозора снова встретятся, чтобы решить проблему раз и навсегда.

Алекс де Клемешье

Сын Дога

Моей супруге Дине с благодарностью за терпение и поддержку

Пролог

Мне надоели мертвые лошади.

Первую, низкорослую и крепенькую степную кобылку, отдал мне нойон[1 - Нойон (монг. «господин», «князь») – предводитель древних (начиная с XI века) аристократических родов в Монголии и Бурятии.] Икирит – на рассвете того дня, когда я покинул дом. Он чувствовал себя настолько виноватым, что готов был отдать и больше. Глупец! Его вина была лишь в том, что он, как и подобает мужчине, хотел сына. Все остальное – исключительно моя спесь, мои гордыня и любопытство, приведшие к тому, что теперь я сам себе напоминаю трусливую утку, мечущуюся в высокой траве посреди болота. Мечущуюся и не ведающую, с какой стороны зайдет охотник, откуда раздастся звон тетивы...

Несмотря на то что нойон искренне верил в свои слова, когда говорил, что кобылка вынослива и прослужит мне долго, ее я загнал еще до того, как солнце поднялось над степью на длину ладони. Понукаемая уже не столько плетью, сколько заклинаниями, она еще какое-то время послушно перебирала ногами, хотя я перестал ощущать биение ее сердца за десяток ли[2 - Ли – китайская единица измерения расстояния. В древности составляла 300 или 360 шагов.] до того места, где она все же рухнула замертво.

Однако свое предназначение она выполнила: во-первых, на рассвете в степи нашлось бы немало свидетелей, как какой-то безумец галопом мчится в ту сторону, куда уходит на ночлег солнце, – в сторону монгольских озер и торговых путей; во-вторых, кобылка всего лишь тысячи шагов не дотянула до лагеря, охраняемого татарскими воинами. Что за люди были в лагере, везли ли они шелка и чай в Персию, или возвращались со специями и коврами обратно – мне было безразлично. Отведя глаза дозорным, я выбрал двух стройных коней ахалтекинской породы и скрылся, так и не будучи замеченным.

Отсюда мой путь резко повернул на север. Пусть все думают, что безумный Бохоли-Хара[3 - Бохоли-Хара (бурят.) – Черный Шаман.] пустился просить защиты в Самарканде или Бухаре. Пусть думают так и ищут меня на Закате. Или не ищут, если враг мой решит, что себе дороже связываться с самаркандскими магами, что гнев и нанесенная ему обида не стоят тех мук и времени, каких потребуют поиски несчастного сбежавшего шамана.

Украва ахалтекинцев, я намеренно более не пользовался сильной магией, чтобы не оставить следов в колючем степном Сумраке, следов, которые без труда прочтет и распутает мой враг. Этих сильных жеребцов я щадил, не стимулируя их заклинаниями, не загоняя бешеной скачкой, – пускал то резвой рысью, то

шагом, на ходу пересаживался с одного на другого или вел в поводу, если очередной подъем на холм оказывался слишком крутым. Все это дало мне возможность продвинуться на несколько тысяч ли; каменистая равнина сменилась сперва степными ковылями, а затем сочной травой предгорий. И все же что-то я делал не так. Наверное, ничего удивительного: с лошадьми я умел обращаться едва-едва. Оседлать и проскакать короткое расстояние не составляет труда любому, кто прожил в степи хотя бы год. Но длинные переходы – совсем другое дело. Когда Отец Небо награждает тебя шаманским даром, многие бытовые проблемы остаются в твоём прошлом. Теперь уже другие люди следят за тем, чтобы ты был сыт и доволен, и если род, в котором ты живешь в сей момент, решил перекочевать на новое место, то единственная твоя забота – подсказать наилучшее время для перехода и направление, в котором на пути не возникнет трудностей. О твоём комфорте позаботятся, и ты даже не заметишь, кто и когда поменял лошадей, запряженных в твою повозку, почему эти лошади так свежи и как именно слуги ухаживают за уставшими.

Возможно, я неправильно напоил ахалтекинцев во время короткой передышки. Возможно, они были слишком привередливы – привыкли к хорошему корму, а я мог предложить им лишь степную траву. А может, и у них был свой предел жизненных сил. Так или иначе, они почти одновременно захрипели и принялись спотыкаться. Я спешил, взял под уздцы и, щурясь под косыми закатными лучами, попытался их «отшагать». Когда понял, что это не помогает, заставил лечь, сам устроился между ними и согревался их угасающим теплом большую часть студеной степной ночи.

Для путешествия по горной тропе я воспользовался клячей встретившегося бедняка. Впрочем, не таким уж бедняком он был, каким хотел казаться: поверх нижних халатов из тонкой шерсти был надет пусть и оборванный и грязный, но довольно теплый войлочный, а в потрепанной седельной сумке оказалось еды и воды на пару дней. Все это говорило об определенном достатке «бродяги», так что я не испытал угрызений совести. В конце концов, я же оставил ему и провизию, и одежду, а до ближайшего селения он как-нибудь и пешком дошагает.

Под седло на потник бывший хозяин клячи предусмотрительно кинул шкуру, и к концу дня я не раз успел мысленно возблагодарить его за эту предусмотрительность. Животное подо мной было старым и очень осторожным, по ведущей вверх тропинке ступало медленно и никак не соглашалось поторопиться, поэтому ночевать пришлось на голом склоне, кутаясь в шкуру и

ежась под порывами холодного ветра.

Перевал я преодолел только через два дня. К исходу этого срока пожилой тихоход уже настолько взбесил меня, что я без какой-либо жалости прирезал его. Живот мой давно уже мечтал о бараньей похлебке, но сейчас вполне подошла и жаренная на костре жесткая конина. Запихивая приготовленное впрок мясо в сумку, я шепотом ругался: разве стоило загонять двух прекрасных ахалтекинцев, неустойчивых и стремительных, словно два водопада, чтобы позднее растерять добытое с их помощью преимущество? Если раньше мне казалось, что я здорово оторвался от возможной погони, то теперь, после столь затянувшегося перехода, я уже ни в чем не был уверен. Моему врагу незачем скрываться, он может купить столько лошадей, сколько понадобится, и всякий раз они будут свежи и накормлены. Мне же приходилось держаться в стороне от селений и не выбирать скакунов из хорошего табуна, а довольствоваться тем, что попадется под руку.

Следующий конь оказался немногим лучше утолившей мой голод клячи. Порядком нервничая из-за очередного досадного промедления, я даже плетью не смог заставить его перейти на рысь, и взбодрился конь лишь после того, как я стал всаживать в его круп кончик ножа.

С трудом, но он таки дотащил мое закаменевшее от верховой езды тело до Большой Воды – верховьев реки, которую кеты называют Хук, а эвенки – Ионесси[4 - Река Енисей.].

Глядя на то, как раздуваются бока жадно пьющего коня, я с тоской рассудил, что долго он не протянет. Мухи облепили его окровавленный круп, задние ноги подрагивали от напряжения и боли, а подпруга, которую я не догадался ослабить на водопое, жестоко врезалась в живот. Махнув рукой, я отвязал от седла сумку и пошел прочь, а уже через несколько мгновений услышал позади себя громкий всплеск: изможденный конь не удержался и свалился в воду. Судя по тому, что никаких звуков до моего уха больше не донеслось, выбраться обратно он даже не попытался.

Мне снова повезло: через полдня пути вниз по течению я наткнулся на лагерь хакасского тайджи[5 - Тайджи – господин (хакасский титул).], сплавлявшегося со своей многочисленной свитой ко Дворцу Ли Лина[6 - Дворец Ли Лина – строение, воздвигнутое в I веке до н. э. Находится на территории современного Абакана.] и сделавшего остановку на берегу для охоты и отдыха. Личный шаман тайджи

встретил меня формулой «татай» – магическим заклинанием от нечисти, но этим и ограничился, не распознав во мне Иного и не сочтя опасным для своего господина. Его уровень я оценил как пятый-шестой, и, стало быть, ничего удивительного в том, что один шаман не почуял другого – даже если бы я не закрывался, ему попросту не хватило бы Силы, чтобы оценить мою категорию. Вернее, отсутствие таковой.

Тайджи радушно принял путника, пригласил к огню, накормил, расспросил о том о сем и любезно согласился перевезти меня на другой берег, взяв в качестве платы рассказы о тех местах, в которых он никогда не бывал, а я прожил существенную часть своей долгой жизни. Он обладал острым умом и хорошей памятью, был любознательным и вежливым – и вполне заслуживал того, чтобы я запомнил его имя. В разговоре с ним я нашел еще одно подтверждение собственным надеждам: если ни меня, ни тайджи не обманули, то Тохтамыш[7 - Тохтамыш – хан Золотой Орды в 1380–1395 гг., хан Тюменского ханства (Тайбугинского юрта) с 1400 г., один из потомков Джучи, старшего сына Чингисхана.] по-прежнему правил Тайбугинским юртом.

А где Тохтамыш – там наверняка и Моргон, старик, ушедший от берегов Байкала с войском хана в Чинги-Туру[8 - Чинги-Тура – столица Тайбугинского юрта. В картах XVI века этот город уже называется Тюменью.] много зим назад. Когда-то Моргон считался самым сильным шаманом. Когда-то – пока не появился я, Бохоли-Хара. Я испытывал к старику глубокое уважение, поэтому не опозорил, не изгнал, не насмеялся, не победил в честном бою – дал спокойно и добровольно уйти, освободив территорию молодому и сильному. С тех пор Моргон считался моим должником, и я был уверен, что он не откажет Бохоли-Хара в убежище, когда я доберусь до тех краев.

И снова были лошади. Лошади умирали подо мной и возле меня. Путь казался бесконечным, и пройденному расстоянию была лишь одна мера – порода и масть животных, каждое из которых помогло мне преодолеть очередной этап – и пало.

Силой мне все же пришлось воспользоваться: не той, что позволяет развести огонь на привале, и не той, что помогает пройти незамеченным мимо кочевья, – все эти действия не требуют от шамана глубокого погружения в колючий степной Сумрак. Когда на моем пути в леса и болота Самоедья возникло глубокое ущелье с отвесными склонами, я был вынужден задействовать свой старый амулет, который планировал оставить неприкосновенным до лучших времен. Но я был настолько измотан дорогой и сопутствующими ей лишениями,

что предпочел не искать обходные тропы, а оборотиться гагарой и в два счета перелететь на ту сторону.

То ли это явилось роковой ошибкой, то ли дальнейшее было случайностью – но ближайшей же ночью меня попытались убить три батыра-невидимки.

Нет нужды подробно описывать схватку во мраке сибирской ночи под потоками ливня. У Высших шаманов есть способы узреть невидимое, но случившееся меня изрядно напугало. Хохоча от страха, словно безумец, я размазал нападавших по валунам, будто целебный бараний жир по коже больного, но в итоге умудрился не задать им главного вопроса: кто натравил на меня эту незримую свору? Кто отдал приказ уничтожить бедного Бохоли-Хару? Тот ли, о ком я постоянно думаю?

Батыры-невидимки нередко становились разбойниками, когда не могли найти другого применения своим способностям. А что еще им оставалось делать, если в тот момент их жизни, когда Отец Небо отворачивал свой лик от благополучия призрачных сынов степей, их услуги не требовались ни одному хану, тайджи или нойону? Все, что они умели, – сражаться, оставаясь неразличимыми для человеческого глаза и сумеречного взгляда большинства Иных. Перерезать в одиночку отдыхающий отряд, пусть даже он состоял из трех десятков опытных бойцов, или проникнуть в логово неприятеля и выкрасть полководца – такое не каждый день может понадобиться. Вот и шли воины, не привыкшие к открытому, честному бою, грабить караваны и обирать несчастных путников.

Сейчас в роли несчастного путника оказался я, но было ли целью невидимок ограбление? Или враг мой, учуяв колебания Силы, вызванные моим безрассудным обращением гагарой, подослал их для расправы?

Меня обуял ужас, а паника заставила бежать, не дожидаясь рассвета и не тратя времени на поиски новой лошади. Я петлял, будто трусливый заяц, и скакал по крутым склонам, будто горный козел. Я метался, словно глупая болотная утка, и трепетал, словно выкинутая на берег рыба. Я бежал весь остаток ночи и целый день без остановки.

Наконец я рухнул и зарыдал. Я был так жалок и противен самому себе, что предпочел забыться тяжелым, болезненным сном, лишь бы не пытаться уговорить себя успокоиться.

Пробуждение пришло на закате. Я лежал на голой земле, неловко подвернув руку; в правую половину лица впивались стебельки сухой травы и мелкие камешки, левую щеку царапал шершавый ветер равнин. Не открывая глаз, я с ненавистью прошипел:

– Касссскет!..

Поздно было бежать и бояться. Во сне пришло понимание: мой враг близко. Нет, он не выследил меня, ему это совершенно не требовалось. Каскет с самого начала ни на миг не терял меня из виду. Ему было интересно наблюдать за мной и моими злоключениями, он безжалостно разглядывал меня, будто букашку, ползущую по соломинке над пропастью. А теперь ему надоело гадать, сколько я протяну и как далеко продвинусь, и он решил меня прихлопнуть, раздавить, словно вонючего клопа.

Собравшись с духом, я поднялся и мысленно воззвал к Отцу Небо с просьбой дать мне силы достойно прожить оставшиеся мгновения.

Затем огляделся.

Каменистая равнина, которую я по привычке счел степью, казалась почти безжизненной, лишь кое-где торчали пучки травы и тщедушный низкорослый кустарник. В десятке ли в сторону Заката виднелись богатые шапки лиственных деревьев – похоже, там была река. За рекой – пологие холмы, сплошь покрытые кедром. Сам же я находился у подножия почти отвесного утеса, вздымающегося к небесам так нахально, что даже запрокинутой головы было недостаточно, чтобы дотянуться взглядом до вершины. Примерно на середине стены было несколько уступов, на которых, казалось, прямо из скал росли высокие сосны.

Я вздохнул: преодолев невероятное расстояние, я далеко углубился в земли самоедов. Если сравнить с общей длиной пройденного пути, до Тайбугинского юрта оставалось рукой подать. Вряд ли меня теперь пустят дальше, но попытаться стоило. Иначе какой же я Бохоли-Хара, какой же я Черный Шаман?!

К многочисленным пряжкам на поясе моего халата крепилось несколько небольших кожаных кисетов. Из первого я достал красную рыбью кость, прошедшую через пасть, желудок и кишечник медведя и убившую его. Костью я

очертил круг, размером достаточный для того, чтобы я остался внутри, даже если упаду. Тонкое острие не оставляло на твердой почве следа, но, едва я замкнул круг, сухая трава, песчаная пыль и мелкие камешки почернели, словно по земле прошла не кроваво-красная игла, а уголь. Из второго кисета я вынул перо, невесомое для рук, но неподъемное для ветра, – оно принадлежало гагаре с черным горлом, десять раз влетевшей в юрту камлающего шамана через вход и девять раз вылетевшей сквозь дымовое отверстие. Его я положил на южную часть окружности, и оно осталось лежать на линии, будто придавленное тяжелым камнем. Из третьего я извлек засушенного головастика, успевшего наполовину стать лягушкой, и пристроил его на северной части окружности. Затем я плюнул на линию, ограждающую меня с Восхода, и запалил пучок трав, оставив его со стороны Заката.

Наконец из безразмерной сумки, в которой при желании я мог бы унести не только еду и воду, но и целую юрту, я достал бубен с колотушкой. Ладонь прошла по туго натянутой коже, проявляя потускневший рисунок, и внезапно мне почудилась насмешка: кожа была лошадиной! Я всегда знал об этом, поскольку сам изготовил бубен много-много весен назад, но теперь... Всю дорогу мне приходилось терпеть мертвых лошадей, они даже во сне стали мне сниться – и вот теперь я надеюсь на останки еще одной! Но эта – точно последняя. Либо она меня вывезет туда, куда не смогли доставить все предыдущие, либо...

Закрыв глаза, я ударил колотушкой. Родился звук, отдающийся в зубах и ребрах.

Когда Небесный Отец одаривал первых шаманов способностями ходить по слоям и совершать множество действий, недоступных обычным людям, он позаботился о том, чтобы мы не переусердствовали: всякий раз, отправляясь даже на самое близкое первое небо, мы должны исполнять ритуалы. Иногда очень длительные ритуалы, иногда болезненные и даже опасные. Я знал, что Моргон, например, использует для входа в Сумрак ядовитые грибы: дай малюсенький кусочек такого гриба большинству шаманов – умрут в мучениях, а уж об обычных людях и говорить нечего. Кто-то курил дурмящие травы, кто-то пил отвар с каплей гадючьей слюны, кто-то шептался с духами огня, опаливая брови и ресницы языками костра. Я слышал, что у персов, у русичей, у римлян и на самурайских островах есть чароплеты, которые могут совсем без усилий поднять с земли свою тень и перейти на первое небо. Слышал, но сам таких не встречал. К счастью, мой способ поднять тень был хоть и долгим, но самым безопасным. Мне не требовалось есть и нюхать яды, обжигаться огнем и проливать собственную кровь – моим стремением был звук.

Когда рокочущий ритм отделился от бубна и стал жить сам по себе, я открыл глаза. Я был уже на первом небе, но следовало поторапливаться. Ноги притопывали без моего желания, горло самопроизвольно издавало протяжные заунывные полукрики-полустоны, зато руки теперь были свободны. Приблизившись к центру круга, я наклонился и, уткнув указательный палец в сухую пыль, произвел им несколько быстрых вращательных движений, будто размешивал муку в чашке козьего молока. Повинуясь движению пальца, песчинки взмыли в воздух и закружились, образуя крохотную воронку. Продолжая подвывать и приплясывать, я сорвал несколько посеревших, мертвых на первом небе травинок, добавил к ним пару валявшихся под ногами хрупких сосновых иголок, размял в ладони и кинул получившуюся труху в воронку рукотворного вихря. Раздалось потрескивание, какое обычно возникало, когда я разворачивал медвежью шкуру, чтобы достать баранью лопатку для предсказаний; внутри растущего конуса замелькали синие искры. Я зачерпнул горсть мелких камешков и аккуратно высыпал их туда же. Камешки не упали на землю – вихорек впитал их в свое тельце, закружил злорадно и многообещающе.

Я выпрямился и соединил ладони в знаке спокойного ожидания. Осмотрелся. В настоящем мире багровые лучи садящегося солнца превращали подхваченные вихрем песчинки и камни в беспорядочно мелькающие, сверкающие гранаты и рубины; на фоне черных теней, протянувшихся от утеса, это выглядело зловеще и застораживающе. Снова прикрыв глаза, я резко развел руки, и следом за ними раздвинулась, раздалась вширь воронка, мигом поднявшись гораздо выше моего роста. Теперь смерч вращался ровно по границе очерченной мною окружности, конус воронки шуршал и потрескивал, вбирая в себя все то, что мог подхватить с земли снаружи. Я же, стоя внутри круга, не ощущал ни дуновения.

Зато довольно скоро я ощутил присутствие своего врага. Руки вновь подхватили бубен и колотушку, и ритм, ни на мгновение не прерывавшийся, пока я создавал смерч, ускорился.

– Касскет!.. – прошипел я сквозь сжатые зубы, увидев, как он появился из-за скалы и неторопливо двинулся в сторону круга.

Смертоносная воронка взвыла и зарокотала. Вращающиеся камешки потянули к себе гигантские валуны, а добавленная мною сухая хвоя – часть сосен с уступов утеса. Порожденное моим даром чудовище пожирало пространство и в настоящем мире, и в сумеречном, смерч безудержно рос, и его расширяющаяся граница двинулась навстречу моему врагу примерно с той же скоростью, с какой

он шел в мою сторону. Я запел древнюю песню на языке, который умер задолго до того, как я родился. Притопывающие ступни едва успевали попадать в ритм, изрыгаемый уже не бубном даже, а будто бы самим Сумраком.

Каскет остановился. Сквозь ураганные завихрения, вращающие, пережевывающие и дробящие камень и вековые стволы деревьев, я едва различал фигуру своего врага. Солнце светило ему в спину, и золотые нити, вплетенные в узор шелкового халата, мерцающим в закатных лучах контуром обрисовывали его силуэт. Полы халата трепетали в ногах, изредка взмывая до пояса; длинные волосы разметались. Что видел он в сердцевине воронки, когда вглядывался сквозь хаос и росчерки голубых искр? Пытающуюся сопротивляться наивную жертву или достойного соперника? Дрожащую согбенную тень или источник угрозы?

Пляши, Бохоли-Хара, хорошо пляши! Сильнее сгибай спину, бей в бубен и топчи, топчи каменное крошево у себя под ногами! Пляши, Черный Шаман, потому что только в этой пляске сейчас твое спасение.

Каскет сделал один неуверенный шаг и вновь замер. Мое сердце ликовало – враг засомневался! Конечно, это далеко не победа, но смутить такого врага, хоть на несколько ударов сердца сбить с него спесь – дорогого стоит.

Рассудок Каскета холоден – он понимает, что проще всего подождать. Воронка, сдирающая земной покров и шутя носящая по кругу сотни неподъемных валунов, требует усилий, на которые отважится не каждый Высший шаман. Но силы мои не беспредельны. Если враг мой решит подождать до той поры, когда солнце окончательно спрячется за холмы, смерч пойдет на убыль, а сам я окажусь перед ним измотанным и беззащитным. Каскет терпелив, он умеет ждать – он играл со мною много-много дней, пока я спасался бегством. Но теперь, когда он уже показался мне, гордость не позволит ему отступить, повременить, отложить схватку.

Зачем-то он взглянул на потемневшее небо, словно вознес короткую молитву Небесному Отцу, а затем с усилием двинулся сквозь клокочущее тело созданного мною чудовища.

Песок, несущийся быстрее стрелы, тут же содрал с него одежду и плоть, мгновенно отполировал скелет до сияющей белизны – но он шел, и плоть

наросла заново. Разбитые в щепу деревья сотней копий пронзили его тело в сотне мест – но он шел, и сквозные раны затягивались на глазах. Лавина камней разможила ему голову и раздробила кости – но он шел, и шел, и шел... Голубые искры, собравшись в единое целое, устремились к нему ослепительной молнией. Каскет выставил вперед руки и попытался противопоставить ей поток чистой Силы – ему это почти удалось, и часть грозовой стрелы завязла в потоке, лишь самый кончик ее смог продавить преграду и обуглить левую ладонь мага. Он заорал от боли и досады – впервые с того момента, как вступил в тело воронки. Но теперь он стоял уже на самой границе очерченного мною круга и, недолго думая, сплел из пальцев здоровой руки незнакомый мне знак. Согбенное в пляске тело шамана внутри круга полыхнуло зеленым пламенем и осыпалось горсткой пепла...

Смерч замер на миг, и в последних лучах солнца можно было разглядеть отдельные детали, составляющие застывшую воронку. Затем вся эта громада обрушилась вниз, окружив Каскета идеально круглым валом высотой в три человеческих роста. Однако рокочущий ритм не смолк, и это заставило врага моего завертеться на месте в поиске источника. Моя уловка удалась: все это время он сражался с воронкой, тратил силы, прорываясь внутрь – а испепелил всего лишь моего двойника, точную, но поддельную копию Черного Шамана. Сам же я с того момента, как убедился, что Каскет нырнул в ловушку, плясал высоко на уступе, сумеречным зрением наблюдая сверху за происходящим. Сейчас скалу подо мной сотряс вопль ярости – и тогда я ударил в последний раз.

Сумрак не любит звук, не доверяет ему. Потому-то даже обычные слова слышатся в Сумраке то глухо, то протяжно, то невнятно и непонятно – но никогда так, как в настоящем мире. Ритм – мой ключ, он поднимает мою тень и провожает меня на первое небо. Благодаря ритму Сумрак становится податливым и позволяет мне многое – исцелять больных, насыпать мор, видеть благоприятный исход, творить чудовище смерча... или создавать людей, которых не отличить от настоящих. Ритм может быть самым разным, иногда Сумрак берется «подпевать», подрагивает в такт, рождает в глубине своей невиданные переливы Силы. Иногда звук не нравится ему настолько, что он спешит выдавить его источник в реальный мир, но все же «соглашается» помочь в том, что требует от него Бохоли-Хара. Подобрал я и такой ритм, который заставлял Сумрак дрожать и корчиться, будто от боли, а вместе с ним дрожало и корчилось все живое, что попадало во власть звуков моего бубна.

Услада для изможденного страхом сердца – в третий раз за день услышать вопль ненавистного врага! Невидимая, но осязаемая волна, рожденная колотушкой и натянутой на обечайку кожей мертвой лошади, устремилась вниз, накрыла и закружила воющего мага. Безумие охватило Каскета, судорожно сведенными пальцами он попытался заткнуть уши, затем принялся рвать на себе волосы, из глаз его хлынули кровавые слезы. Ничего не видя, он с разбега врезался в стену, образованную валунами и обломками деревьев, попробовал вскарабкаться на вершину вала, свалился обратно, в панике поднялся на второе небо – но там ловушка была монолитной, словно гладкие стенки глубокого колодца. Подняться на третье ему уже не хватило сил – Каскета корежило, скручивало, выворачивало...

А потом я почувствовал на своем плече твердую руку.

– Довольно, Бохоли-Хара! – насмешливо произнес у меня над ухом враг мой. – Остановись и утри пот.

Я замер, холодея под его взглядом, сверлящим мой затылок, будто костяной наконечник копья.

Он выпустил мое плечо, обошел и встал рядом, так же, как и я, глядя с уступа вниз – туда, где двойник Каскета безумствовал внутри очерченного мною круга.

– Ты многое умеешь, Черный Шаман, – уважительно качнул головой он, признавая мою силу, но то была похвала победителя побежденному, что он и не замедлил подтвердить: – Я бы пожелал тебе благоденствия – ведь так положено приветствовать достойных сынов Отца Небо, да вот боюсь, что дни твои благие сочтены. – Он вздохнул и развел руками, заставив зашелестеть широкие рукава черного шелкового халата. – Мне даже жаль, что Тьма потеряет столь хитрого и умелого последователя. Ведь я предупреждал тебя? Я говорил тебе, Бохоли-Хара, что не желаю, чтобы у нойона Икирита был наследник? Я дал тебе понять, что решать, кому сотворить ребенка, а кого оставить бездетным, должны только боги... и я. Ты послушался меня, создал для него сына... А теперь я победил тебя в честном бою. Признаешь ли ты это?

– Признаю... – хотел сказать я, но горло будто окаменело. – Пощади! – хотел сказать я, но воздух застыл в груди моей.

Каскет всплеснул руками, перед моими глазами мелькнул золотой узор на черном рукаве – скелет распластанной ящерицы в окружении солнца, месяца и звезд.

– Да что ж он никак не сдохнет-то, бедняга?! – негромко воскликнул враг мой и одним движением заставил своего потерявшего рассудок двойника скрутиться сочащимся слизью жгутом, пыхнуть паром и исчезнуть. Он помолчал, а потом заметил: – Если ты ждешь, что смерть твоя будет столь же быстрой, как его, то даже не надейся. Впрочем, я даже дам тебе шанс, Бохоли-Хара. Выживешь – честь тебе и хвала. Ведь ты любишь плясать, Черный Шаман? Любишь бить колотушкой в бубен? Пляши, Черный Шаман! Топчи эту скалу, топчи ее тысячу лет, топчи, пока не сотрется либо она, либо твои ноги. Сотрешь скалу – твоя взяла! Пойдешь, куда захочешь, я не трону. Пляши, Бохоли-Хара, бей колотушкой в бубен, топчи камень...

Едва я осознал, какое наказание мне уготовано, я взвыл и попытался убить себя, бросившись со скалы вниз, – но я был во власти ненавистного врага моего.

Рука моя подняла колотушку, а пятки сами собой начали притопывать по камню...

Часть 1

На Ином этапе

Глава 1

Август – сентябрь 1973 года

По сведениям Гидрометцентра СССР, в соседней Томской области, в трехстах километрах от Академгородка, царило неправдоподобно жаркое, какое-то

черноморское лето.

Аристарху, щурящемуся от колючей, буквально ледяной мороси, в это не верилось. Днем бледные, разбавленные солнечные лучи, продравшись сквозь плотные слои туч, кое-как соскребали со стен и стекол тусклый налет, а вечерами на улицы выбрасывался по-настоящему зимний ветер. В панике шарахался он по подворотням, стараясь найти к утру подходящее убежище, но добивался исключительно того, что дождевые брызги летели как угодно, только не сверху вниз. В непрозрачных из-за мелкой ряби лужах на черном асфальте мокли несвоевременно опавшие листья; нагрянувшая посреди августа глубокая осень сосредоточенно ковырялась в грязи, заливая фундамент для неумолимо наступающих заморозков.

Старенький болоньевый плащ и так-то не согревал, не для того был предназначен, а теперь, промокнув насквозь, напоминал омерзительно холодную лягушачью кожу, от которой хотелось немедленно избавиться. В разношенных туфлях хлюпало. Проведя дома ревизию обуви с целью подобрать более или менее приличную демисезонную пару, Аристарх обнаружил, что самыми целыми выглядят только одни его ботинки – лыжные. Так внезапно он оказался перед выбором, на что потратить оставшуюся до зарплаты трешку – на зонт или на резиновые сапоги.

Ссутулившись, он размеренно шагал по тротуару, щурясь от дождевых капель и света ярких фонарей, множащих свои отражения в лужах и темных окнах закрытых учреждений. Одной рукой он придерживал поднятый до подбородка ворот плаща, другой время от времени отирал мокрый лоб, брови, глаза.

Не было ни малейшей нужды тащиться в столь поздний час и в такую мерзкую погоду в институт, но и оставаться в «малосемейке» он не мог физически. Там, по соседству, за тонкими стенами шкворчало и переругивалось, оглушало рыбными и табачными запахами, пищало младенческим писком и грохотало репродукторным басом, жизнерадостно хлопало дверьми и сводило с ума нескончаемой гороховой дробью шагов по лестнице. Когда-то подобная коммунальная среда казалась обязательной, само собою разумеющейся, он весело и с удовольствием барахтался в ее гвалте и толчее, отчетливо понимая, что однажды выгребет к надежному берегу, где будет отдельная благоустроенная квартира, где гипотетическая жена будет единственной хозяйкой на кухне, где детские голоса в комнатах будут принадлежать не чужим сопливым, нахальным и некрасивым отпрыскам, а его собственным

любимым детям...

Лет через десять после переезда в строящийся Академгородок атмосфера перестала радовать Аристарха.

В то десятилетие один за другим открывались институты, в городок ученых под Новосибирском ринулись таланты и оригинальные умы, новые направления сулили долгожданную научную свободу и невиданный размах, тут и там случались прорывы, несовместимые темы объединялись и привозили на общих закорках очередное открытие. Воодушевление, подъем, крики «Эврика!» и «Можно – все!» – все это было рядом, близко-близко, вокруг и около. Вот только самого Аристарха, так или иначе вовлеченного во всеобщее ликование, гвалт с толчеей начали утомлять.

Он научился абстрагироваться, преуспел в том, чем и отличается настоящий ученый от обычного, среднестатистического человека, – стал рассеянным и, казалось, не замечал ничего вокруг: ни бытовых неудобств, ни скучной монотонной работы, ни радости более удачливых коллег. Он настроился на результат. Он знал, он искренне верил, что однажды его время придет, что праздник на его улице вновь расцветит окружающий мир красками, звуками, а там и вкус к жизни вернется...

Проходя, он неприязненно покосился на стоящее особняком длинное двухэтажное здание. Вряд ли нынешняя столовая Института гидродинамики была виновата хоть в чем-то, однако пять лет назад, в 1968 году, на исходе того самого десятилетия надежд, научного поиска и энтузиазма, именно в этом здании произошел надлом, оголивший нервы Аристарха. Сейчас – столовая, а тогда здесь располагалось кафе «Под интегралом», любимейшее место прогрессивно настроенной молодежи, литературный и дискуссионный клуб, настоящее «государство в государстве». Нельзя сказать, что Аристарху были так уж интересны щекотливые темы и студенческие споры, однако посещения кафе создавали ощущение причастности, вовлеченности в кипучее движение юных гениев. Здесь он ненадолго просыпался и заново заражался жаждой открытий, именно здесь приглядывался к лаборанткам и младшим научным сотрудникам женского пола на предмет гипотетической спутницы жизни...

А потом ему тут же доходчиво объяснили, что его поезд ушел, что заниматься поиском и самореализацией ему следует в каком-нибудь другом месте, более соответствующем его возрасту и статусу.

Про возраст он даже не сразу понял и по пути домой глупо улыбался эдакой нелепице. Разве не считается он молодым, трудолюбивым и перспективным сотрудником? Разве не находится в самом начале пути, очередными вехами которого станут научные открытия, отдельная квартира и красавица-жена с любимыми детьми?

В какой-то момент улыбка сползла с его лица. Ему – сорок семь. Молодым и перспективным (особенно на фоне некоторых профессоров, настоящих корифеев с поистине академическими бородами) он считается в своем институте, да и то лишь потому, что до сей поры ничего не совершил, не добился, не достиг. Он кропотливо выполнял работу, методично получал необходимые данные, терпеливо ставил скучные эксперименты – он медленно, но верно шел к результату. Справедливости ради стоило отметить, что находились и такие, которые двигались к цели куда медленнее Аристарха, а то и вовсе забрасывали «неподходящую» тему, уходили из научных лабораторий на производство или принимались обучать первокурсников давно известным премудростям. Но были и другие: защитившие докторскую диссертацию, опубликовавшие несколько серьезных статей, получившие некий осязаемый результат своих исследований – все они мгновенно переводились в разряд маститых, опытных ученых, вне зависимости от того, насколько раньше или позже родились.

Теперь Аристарх стал еще на пять лет старше и все еще не мог похвастаться весомыми достижениями – так стоило ли винить в собственной несостоятельности бывшее кафе, где его однажды, будто щенка, ткнули мордочкой в очевидное? Смешно, право.

Иногда ему остро хотелось... ну, не то чтобы сбежать – нет, всего лишь что-то изменить в своей жизни: переехать, бросить лазерные анализаторы и заняться чем-то совершенно иным, начать заново на новом месте, там, где его никто не знает... А в следующую минуту он понимал, что времени на то, чтобы начинать что-либо заново, у него нет. Продолжать – да, закончить – да, а заняться чем-то с нуля, да так, чтобы успеть все запланированное, – весьма сомнительно.

?

Ливень припустил так нещадно, что Аристарх предпочел заскочить в будку уличного телефона-автомата. Здесь было так же холодно, как и снаружи, но хотя бы ледяные брызги не секли лицо. Он рассеянно провел растопыренной

пятерней по голове, ото лба к затылку. Такой приглаживающий жест остался с той поры, когда новоиспеченный начальник лаборатории Аристарх Филиппович Гранин еще обладал роскошной и зачастую всклокоченной шевелюрой. Сейчас большая часть волос выпала; от макушки вниз, во все стороны, расползлась обширная лысина – а привычное задумчивое движение сохранилось.

До проходной института оставалось каких-то сто метров, и, наверное, глупо было прятаться от дождя, когда и так уже промок до нитки, но Аристарх продолжал терпеливо ждать. Водя пальцем по стеклу, с наружной стороны которого извивались частые стремительные струйки, он думал о том, что «переждать» стало его жизненным кредо. Переждать неудачи, переждать застой в делах и мыслях, переждать трудный период, переждать бытовые неудобства, переждать одиночество, переждать непогоду...

В соседней телефонной будке, стоявшей «спина к спине» с той, в которой прятался Аристарх, оглушительно хлопнула дверь. Гранин не видел вошедшего, зато через несколько секунд невольно услышал громкие торопливые слова звонящего мужчины:

– Это я. Я только что с дежурства. Мне нужны уточнения. Аесарон действительно перебрасывает нас в Томскую область? Да... Я понимаю, что это временно, но нас тут всего двое! Если наше отделение снимут – Академгородок останется без присмотра! Как? И Светлых тоже?! По личной просьбе Сибиряка? Да что ж у них там намечается-то?[9 - События возле села Загарино Томской области, произошедшие в августе 1973 года, описаны в третьей части романа «Участковый» Сергея Лукьяненко и Алекса де Клемешье.] Загарино – это вообще что? Райцентр? Нет? Село-ooo?.. Вообще ничего не понимаю... Но мое дело – предупредить. Мы уедем – здесь вообще никого не останется. Да. Да! Хорошо, понял, сейчас же выезжаю.

Дверь соседней будки вновь жажнула, искрящиеся под фонарями рябые лужи пересекла бесформенная тень. Вот, пожалуйста! У кого-то жизнь кипит, кого-то перебрасывают в Томск, где сейчас черноморское лето, где намечается что-то грандиозное... Но в одном невидимый мужчина был не прав: когда все уедут – здесь останется он, Аристарх. Впрочем, это, наверное, равносильно тому, что никого не останется.

Криво усмехнувшись, он вышел из будки и продолжил путь в институт. Ничего, ничего. Скоро, буквально через пару месяцев, в журнале «Автометрия» выйдет

его статья об обобщенном анализе измерений, производимых при помощи голографического интерферометра. Статья хорошая, добротная, и пусть касается тематики лаборатории Гранина лишь косвенно, зато эта публикация напомнит о существовании в мире науки ее автора. Не все же ему по капельке результаты собирать! Пора и более крупные плоды пожинать. Хоть какие-то.

– Доброй ночи, Аристарх Филиппович! – расплылся в улыбке пожилой вахтер, дежуривший на проходной. – Никак снова до утра?

Рассеянно кивнув, Гранин проскользнул мимо. Вахтер спрятал улыбку, хлебнул из чашки крепкого чаю, качнул головой и философски цыкнул зубом: чудаки эти ученые! Конечно, он уже привык к тому, что регулярно посреди ночи сюда, в Институт автоматики и электрометрии, прибегали эти взбалмошные гении – глаза горят, вихры встопорщены, из-под плащей частенько полосатые пижамы выглядывают. Ясное дело – мысль в голову пришла, терпеть мочи нет, мчатся проверять идею, делать свои открытия. Привык-то – это одно, но вот понять их вахтер, как ни старался, не мог. Нет у них никакой повышенной ночной ставки, за переработку никто не доплатит – так какой смысл выскакивать из теплой постели, шкандыбать в дождь и снег и ломать голову в те часы, когда нормальным людям спать положено? Разве сбежит куда-нибудь открытие? Нет, не понять этих чудаков. Вахтер снова отхлебнул из чашки и сделал радио погромче – филармонический оркестр играл произведения современных советских композиторов.

Гранин меж тем, скривившись, вышагивал по коридору в сторону своего кабинета. Он никак не мог сообразить, что именно только что вызвало раздражение... Ах да! С ним поздоровался старик-вахтер! И, разумеется, вежливо назвал по имени-отчеству, а Аристарх этого не любил. Разве полагается заведующему лабораторией иметь такое аристократическое, дворянское имя-отчество? Седобородому профессору, члену-корреспонденту Академии наук и уж тем более академику – да, идеально бы подошло. «Аристарх Филиппович» – замечательно звучит, когда ты увешан всевозможными регалиями. А лабораторному начальнику, серой ученой мышке, вполне было бы достаточно «товарища Гранина». Хуже «Аристарха Филипповича» был только «Ристаша» – так до сих пор звала его мама, когда он звонил ей по выходным.

В кабинете в любую погоду, в любое время года было душно, сухо и пыльно. Маленький канцелярский столик, словно распорка, был втиснут между двумя гигантскими, под потолок, шкафами. На полках шкафов сверху донизу

громоздились пухлые коричневые папки – перевязанные тесемками и пронумерованные отчеты лаборатории, скопившиеся неведь за сколько лет. Полагалось регулярно сдавать их в архив, но Аристарх подозревал, что в архиве они будут еще менее востребованы, чем здесь. Тут, в кабинете, они хотя бы создавали видимую весомость проделанной работы. Весомость, кстати, не только фигуральную – у любого вошедшего создавалось впечатление, что у шкафов под тяжестью отчетов «подгибаются колени». Выдерни канцелярский столик – и две громады накроятся, ринутся навстречу друг другу, с оглушительным треском столкнутся деревянными макушками, и посыплется из них, и повалится, и рухнет все, над чем трудилась лаборатория Гранина... Как жаль, что о себе он не мог сказать того же: если убрать, выдернуть из этого кабинета самого Аристарха – вряд ли где-то что-то рухнет и развалится.

Скомкав мокрый плащ и бросив его на стул, Аристарх переоделся в чуть помятый белый халат и снял трубку с телефонного аппарата.

– Техотдел? Это Гранин. Подключите девятую лабораторию. Да, полную нагрузку. Вероятно, до утра. Да. Спасибо.

Атмосфера лаборатории нравилась Аристарху куда больше духоты кабинета. Только здесь можно было встретить столь вдохновенный, целесообразный, упорядоченный бардак: слегка прикрытые чертежами мотки проводов на верстаках, линзы, клеммы, разнокалиберные детали, тестеры, отвертки, тяжелые аккумуляторные батареи под столами и – самое главное! – экспериментальные стенды с собранными схемами.

Правило номер один лаборатории Гранина гласило: хочешь, чтобы вышло хорошо, – сделай сам. Такой порядок вызывал недоумение и даже неприязнь у любого нового сотрудника. Кому же хочется собственноручно паять и вытачивать, полировать линзы и перематывать медную проволоку катушек, если в институте для этой цели существует целый технический отдел? Разве это дело, когда научный работник не расчетами занимается, а с паяльником возится? Однако рано или поздно приходило понимание, что ни один токарь, пусть даже заоблачной квалификации, не сможет без подробного чертежа выточить невиданную финтифлюшку в точности так, как это придумалось ученому. И уж тем более на токаря в процессе работы никогда не снизойдет озарение, что бороздку у финтифлюшки лучше сделать не так, а эдак.

Правило номер два касалось собранных схем: в лаборатории Гранина к ним было принято относиться как к живым людям. Каждая новая схема обладала своим характером – одна шла по жизни беспомощным неудачником, другой требовались внимание и ласковое слово, третья стремилась без каких-либо оснований сразу подсунуть искомый результат, четвертая начинала капризничать и хандрить, и тогда с ней лучше было не спорить, а попросту оставить в покое на денек-другой – успокоится и, даже не потребовав изменения параметров, заработает как надо.

На стенде, к которому сейчас направлялся Аристарх, была собрана схема, в чем-то похожая на него самого. Это была схема-работяга, она не чуралась скучной монотонной работы, была согласна раз за разом проводить абсолютно одинаковые измерения, и о ее способности трудиться днем и ночью можно было складывать легенды.

Аристарх отпер массивную металлическую дверь собственным ключом, щелкнул выключателем, затем перевел в рабочее положение рубильник, отвечающий за питание аппаратуры. Качнулись стрелки гальванометров, горбатыми изгибами откликнулись зеленые змейки осциллографов, от стендов донеслось тихое гудение конденсаторов.

Лаборатория специализировалась на дистанционной диагностике состояний объемных сред и процессов. Или проще – занималась поисками бесконтактных методов измерения скорости и плотности потоков жидкостей и газов. И именно лаборатории Гранина выпала честь заниматься разработкой лазерных анемометров и интерферометров нового поколения.

– Вечер добрый, старина! Давно не виделись... – усмехнувшись, поздоровался Гранин со стендом и перещелкнул несколько тумблеров, задавая диапазон токов накачки.

Пока конденсаторы жадно копили заряд, Аристарх сверился со своими записями в пухлой тетради и подкатил к стенду один из резервуаров. Их – гигантских емкостей на подставках с колесиками – было в лаборатории несколько: с обычной дистиллированной водой и с солевыми растворами разной концентрации. Через систему шлангов, насадок и насосов каждый резервуар мог быть подключен к стеклянной трубке, расположенной в месте фокусировки лазерных лучей. Жидкость под давлением подавалась в трубку, безостановочно циркулировала в соответствии с заданными параметрами, лучи оценивали

скорость и плотность потока, показания передавались на процессор электронно-вычислительной машины, а откуда информация уходила на самописцы. Эти показания сравнивались с данными расходометра и кучей других изначально известных величин, высчитывалась погрешность, производилась калибровка – и так бесчисленное количество раз, пока результат не бывал доведен до полного соответствия. Затем менялись условия – давление, температура, концентрация, – и все сначала: жидкость из резервуара текла по трубке, лазер измерял скорость и плотность, процессор обрабатывал, самописцы стрекотали, Аристарх записывал в пухлую тетрадь очередной результат и производил необходимую калибровку схемы. Экспериментальный стенд медленно, но верно учился точности измерений.

Фактически уже и в текущем виде схема была готова для изготовления экспериментального образца, прототипа. Где-нибудь на производстве подобные приборы давным-давно уже ждут специалисты. Казалось бы, передавай в техотдел параметры – и вперед, внедряй опытную партию! Регулировка мощности, тонкие настройки, комплект сменных оптических фильтров – все это могло быть доработано на местах, с учетом специфики производства и местных условий. По сути, как руководитель он мог бы ускорить процесс калибровки, а то и вовсе досрочно отрапортовать о готовности прототипа. Но как ученый, как перфекционист и как человек, чьим жизненным кредо стало ожидание, он не мог оставить без внимания проблему, которая не имела непосредственного отношения к лазерным анализаторам, но могла быть решена при их помощи. И имя этой проблемы – турбулентность.

Гладкая стеклянная трубка, равномерно подаваемая жидкость, идеальные лабораторные условия. Но даже в данных условиях, стоило лишь изменить некоторые параметры – например, температуру, – поток возле стенок трубки начинал завихряться, двигаться бесконтрольно, и эти возмущения сказывались на результатах диагностики объемной среды, будь то жидкость или газ. Как рождается турбулентность? Как она развивается? Начальную стадию отчасти описывали уравнения Ландау, но эти уравнения невозможно было применить к процессу в целом.

Сейчас у Гранина в распоряжении находилась схема-работяга, которая уже умела поэтапно, по крупицам отслеживать все изменения, происходящие в потоке. Если стенд будет сдан – позволят ли Гранину-ученому заниматься темой, которая не была изначально внесена в утвержденный руководством института и техсоветом научный план? Не передадут ли его наработки смежникам? Не

лишат ли шанса проявить себя?

Вот по этой самой причине Аристарх предпочитал не спать ночами, именно поэтому приходил в институт в то время, когда другие сотрудники отдыхали. Если у него получится на основе данных, непрерывно получаемых от собранного на стенде экспериментального лабораторного образца, математически рассчитать процесс развития турбулентности, то и способ обуздать ее обязательно найдется. А это уже тянуло на открытие!

Вот только пока, к сожалению, он не сильно продвинулся.

На сегодняшнюю ночь он запланировал наблюдения за поведением потока в условиях воздействия мощного электромагнитного поля. Генератор, собственноручно собранный им и укрытый до поры до времени под одним из верстаков, был извлечен на свет, сориентирован относительно стеклянной трубки и подключен к сети. Аристарх вписал в книжечку краткую информацию об исходных настройках и провел первый замер. Затем – сдвинув на миллиметр регулировочный лимб, второй. Затем третий, четвертый, десятый... Турбулентность издевательски хихикала где-то поблизости, но не желала показываться. Гранин постепенно увеличивал напряжение, менял нагрузку и, словно четки, перещелкивал оптические фильтры, пропускающие сквозь себя лазерный луч. После сотого замера казалось, что уже сам воздух наэлектризовался до предела, однако стрекочущие самописцы по-прежнему не выдавали ничего нового. И не понять: то ли сегодняшние исходные параметры слишком идеальны для возникновения турбулентности, то ли электромагнит препятствует этому.

В очередной раз проведя по мокрой от пота лысине расчесывающе-приглаживающим движением, Аристарх длинно выдохнул. Он готов был закончить на сегодня, чтобы хоть немного вздремнуть перед началом рабочего дня, как вдруг ему почудилось слабое движение. Нет, в лабораторию никто не проник, никто не наблюдал тайком за его экспериментами – просто от стеклянной трубки с циркулирующим внутри солевым раствором вдруг пошел пар. Тонкие полупрозрачные струйки пошевеливались, будто живые, изгибались, создавая иллюзию движения, завязывались узелками, чтобы уже через пару секунд развеяться, растаять. Откуда пар?! Температурный режим соблюден, ни электромагнитное поле, ни лазерный луч не должны были нагреть стекло до такой степени, чтобы случайно осевшая на трубке атмосферная влага начала интенсивно испаряться с поверхности! Да и сколько ее – атмосферной влаги?!

Неужели нарушена герметичность?

Недоумевая, Аристарх обошел стенд и приблизился к резервуару с противоположной стороны. Он едва успел протянуть руку к трубке, чтобы на ощупь определить ее нагрев, – и тут же произошло сразу несколько мелких событий.

Во-первых, мигнул свет. Перепады напряжения случались крайне редко, и на этот случай бытовая сеть была отделена от промышленной. Даже если в электрическом щитке выбьет все пробки и целый этаж института погрузится во мрак, на ходе экспериментов это никак не должно отразиться – это аксиома.

Во-вторых, неожиданно-негаданно зазвонил телефон.

В-третьих, стеклянная трубка, в которую упирался ставший переливчато-розовым из-за клубящегося пара лазерный луч, внезапно сухо крякнула и покрылась мелкой сеткой трещин.

А потом раздался взрыв.

Гранин отшатнулся, в тот же миг его подбросило и швырнуло назад. Изгибая шею, отворачивая лицо от летящих осколков, Аристарх увидел стремительно надвигающуюся стену лаборатории. Ни сгруппироваться, ни смягчить удар руками он уже не успевал – так и летел беспомощным кулем в собственную сгущающуюся на стене тень. Время будто замедлило свой бег, и казалось, что сердце отстучало с десятков тактов, прежде чем ученый осознал происходящее.

«Ну, вот и все, – пронеслось в голове. – Сейчас меня не станет».

Хруст шейных позвонков, алая кровь на белом халате – все это так ярко представилось сжавшемуся от ужаса Аристарху, что на краткую долю бесконечной секунды он поверил, будто все это уже случилось, и сам он наблюдает за собой со стороны. А в следующую долю пришли досада и злость: а как же отдельная квартира и красавица-жена?! А как же всеобщее признание?!

Пляшущая на стене тень, вот эти бесформенные очертания барахтающейся в полете фигуры, на которые Гранин уставился расширившимися зрачками, должны стать последним, что суждено было ему увидеть в жизни. Однако с каждой краткой долей бесконечной секунды тень менялась, приобретала объем и густоту, словно огромная капля жирной нефти, словно накачанный податливым мраком упругий воздушный шар. О такую тень невозможно разбиться насмерть – в ней можно завязнуть, как в дегте, или отскочить от нее, словно от каучуковой автомобильной камеры, или...

Не произошло ни того, ни другого, ни третьего.

Аристарх рухнул и проехался по полу, раздирая халат, а вслед за ним предплечье и локоть. Еще несколько мгновений он лежал неподвижно, пытаюсь унять колотящееся сердце. Почему он не врезался в стену? Почему не свернул себе шею? Почему пол под щекой такой шершавый, будто не из плиток выложен, а из грубой щебенки?

Затем ему стало холодно – так холодно, словно вместе с ужасом из него постепенно выходило все нутряное тепло. «Коченею я, что ли? – подумал он, делая попытку приподняться. – Точно! Все-таки расшибся, а труп мой коченеет! Сейчас душа подыметя над телом, и ты, Ристаша, увидишь себя изломанного, искромсанного и мертвого...»

Размышляя над тем, может ли душе быть больно и холодно, он поочередно подтянул под себя колени, утвердился на четвереньках и огляделся.

Он был не в лаборатории. В какой-то момент ему показалось, что и не в институте, но мрачное каменное помещение очертаниями своими повторяло институтский коридор и ряд лабораторий в нем. Внутренние стены-перегородки отсутствовали, вместо них в воздухе трепыхалось нечто, похожее на марлевые занавески. Видимо, сквозь одну из них Аристарх пролетел головой вперед – и оказался на полу коридора, за пределами лаборатории.

Мысль о загробном мире ученый Гранин отмел сразу же. Разумеется, это не Рай, не Ад и не Чистилище. Это... это некое пространство, в которое он переместился вследствие эксперимента, пошедшего не так, как полагалось. Мощный генератор электромагнитного поля, самый современный полупроводниковый лазер, высокое напряжение – все это в комплексе дало вот такой эффект,

который наверняка можно объяснить с точки зрения физики.

Здесь было очень сумрачно и холодно; на каменной кладке наружных стен и шершавом полу, будто в сыром и затхлом подzemелье, рос мох, синеватый, едва заметно шевелящийся – от сквозняка, не иначе. Еще здесь было невероятно трудно дышать – наверное, концентрация кислорода в этом мире была пониженной. А может, и впрямь похожее изнутри на институт помещение находилось под землей, в гигантском запертом подвале, без доступа свежего воздуха.

Поднявшись, Аристарх сделал шаг, другой. Видимо, взрыв и падение не прошли для него бесследно – голова кружилась, ноги едва держали, да еще мороз пробирал до костей, что делало этот мрачный мир окончательно неприветливым. Сюда бы попасть, будучи подготовленным морально и физически, вооруженным с научной точки зрения... Но для начала нужно как-то попасть обратно.

Его внимание привлек неяркий свет внутри лаборатории. Вернее, свет-то скорее всего был ярким, но «марлевая» стена делала его приглушенным: у мамы дома стоял торшер с тканевым абажуром – так вот он тоже окрашивал спальню в тусклые голубовато-стальные цвета, переиначивая разноцветье предметов на собственный манер. Аристарх пригляделся внимательнее – и не поверил глазам. Да что же это за карикатура такая?! Может, никакое тут не параллельное пространство, а всего лишь последствия удара головой, сильное сотрясение мозга, вызывающее галлюцинации?

Вместо экспериментального стенда внутри стоял массивный обеденный стол, будто перенесенный сюда из какой-нибудь корчмы семнадцатого века. Грубо отесанные и плохо подогнанные доски, потрескавшиеся и исцарапанные, были завалены пружинами, коваными шестеренками, графитовыми стержнями и прочим барахлом. Впрочем, не так уж завалены – в их расположении наблюдалась некая система, упорядоченность, будто неведомый чудак пытался воспроизвести экспериментальную схему, знакомую Аристарху до мелочей, при помощи подручных средств. На дальнем конце стола, там, где должна была находиться лазерная установка, стоял аппарат, больше всего напоминающий газовую горелку, а точнее – диковинный автоген. Расходящиеся под углом тонкие струи белого пламени с серой сердцевинкой упирались в полупрозрачный тюль, сквозь который Аристарха вышвырнуло из помещения во время аварии. Резервуар с раствором превратился в нелепую кадущку, в каких на селе обычно солят огурцы или квасят капусту. Вокруг стола, на почерневших

от старости деревянных лавках, стояли приспособления не менее удивительные, чем газовый резак: Гранин узнал морской секстан и большой настольный барометр в корпусе, отлитом то ли из бронзы, то ли вообще не пойми из чего. Еще там были песочные часы и старинные хронометры с блестящими полукруглыми крышками, транспортиры и штангенциркули, несколько дисков Фарадея и примитивных вольтовых столбов. На месте генератора электромагнитного поля красовался резонансный трансформатор Тесла; «привязанные» к его верхнему отводу, по потолку неспешно и беззвучно гуляли ветвистые молнии разрядов.

Всему этому великолепию место было в музее... или в кабинете изобретателя конца восемнадцатого – начала девятнадцатого века. Неужели Гранина зашвырнуло в прошлое?

Что-то еще было внутри лаборатории... какой-то неравномерный пунктир, висящий над полом. Осколки стеклянной трубки, застывшие в полете? Гранин доплелся до «марлевой» стены и остановился в сомнениях. Что – вот прямо так и шагать сквозь нее? Или лучше обойти, добраться до двери? Да есть ли в этом мире двери?!

Аристарх привычным безотчетным движением потянулся к лысине и вдруг замер – с его локтя обильно текло. Грязно-серые (не красные!!!), крупные, вязкие капли образовали небольшую лужицу возле его ног. Над лужицей, будто марево, дрожало и клубилось нечто, состоящее из отдельных полупрозрачных темных и светлых струй. К этим струйкам и сгусткам тянулись заросли мха со стен, ползли по шершавой щебенке пола – и отшатывались, обугливались, умирали...

Гранина замутило – от боли, от слабости, от нехватки воздуха, от нереальности происходящего, от вида своей почти черной крови. Рана возле локтя была длинной и глубокой – не только кожа, но и мягкие ткани разошлись, распоротые чем-то острым. Непроизвольно он схватился за разрез здоровой рукой, сжал рану. Ему необходим доктор, ему необходимо выбраться в свой родной мир!

Теряя остатки сил, Аристарх испуганно завертелся на месте. Что делать, куда бежать?!

– Эй! – закричал он, приходя в ужас от того, как звучит его голос в студенном каменном коридоре этой пародии на институт. – Кто-нибудь!

Ему показалось, что в дальнем конце коридора кто-то есть: человек, скрытый в сером мраке, выставил на свет плечо и колено – да так и замер. Наблюдает? Прячется?

– Эй! – снова крикнул Гранин, рванулся в ту сторону и...

И вывалился в ярко освещенный коридор родного института.

За стеной, ставшей вновь твердой и непрозрачной, что-то звенело, грохотало и рушилось. Плечо и колено сдвинулись с места и превратились в бегущего навстречу Гранину вахтера.

– Аристарх Филиппович, с подстанции звонили, там перепады напряжения... Ой! А что с вами?

– Со мной... – Гранин, еще не пришедший в себя после мгновенного перемещения в реальный мир, тупо смотрел на подбегающего вахтера. – Мне помощь нужна!

Приподняв руку, он продемонстрировал разорванный и окровавленный рукав халата. Хотел попросить хотя бы временно перетянуть плечо жгутом, чтобы рана не кровоточила настолько сильно, и вдруг понял, что между пальцев уже не течет, да и локоть уже не болит. Осторожно, не делая резких движений, он отнял ладонь от раны и обомлел: вместо уродливо рассеченных мышц – тонкая розовая полоска зажившей кожи.

– Это где ж вы так перепачкались? – с интересом разглядывая липкую и красную руку Гранина, спросил вахтер и цыкнул зубом. – И халат порвали... Банку с краской, что ли, неудачно открыли? – За стеной в последний раз что-то грохнуло, и вахтер вновь наострил уши: – А там-то что творится? Аристарх Филиппович, упало ведь что-то, а?

Гранин молча прошел мимо него и, приоткрыв дверь, заглянул в лабораторию. Там творился кошмар.

Ближайшие к стенду верстаки разметало, будто кто-то швырнул гранату. Осколки стекла устлали пол за стендом, из лопнувшего резервуара толчками

выливалась жидкость, натужно гудели насосы, искрил генератор, пахло оплавившейся изоляцией, химическим каким-то смрадом, дымом... Протянув руку, Аристарх дернул рубильник, обесточивая все приборы, всю лабораторную аппаратуру.

– Никак, авария? – благоговейно выдохнул вахтер, через плечо ученого заглядывая внутрь. – Ох, мамоньки, что ж теперь будет-то?

Гранин взял себя в руки.

– Ничего не будет, милейший. Я разберусь. Возвращайтесь на свое рабочее место.

– А как же помощь? Вы же сами сказали, Аристарх Филиппович, что помощь требуется!

– Я передумал. Сам справлюсь. Ступайте, говорят вам!

Обиженно поджав губы, старик удалился.

Только затворив дверь, Аристарх позволил себе расслабиться. Пара фраз, сказанных вахтеру, далась ему так тяжело, что над верхней губой предательски выступила испарина. Прислонившись спиной к косяку, он пару минут дышал открытым ртом, а потом, поняв, что не может унять дрожь в коленях, медленно, «по стеночке» съехал на пол.

Тряслись пальцы, кожа на щеках и темени словно окаменела, сердце бухало громко и отдельно. Голова болела невыносимо – видимо, и последствия удара сказывались, и полный разброд в мыслях. Что произошло? Что случилось? Действительно ли он побывал в каком-то ином мире? Или увиденное – плод воображения, бред травмированного мозга? Но если Аристарх бредил – как он оказался снаружи? Упал, ударился головой о стену, поднялся и, не осознавая себя, вышел из лаборатории? А там, в коридоре, ему полегчало и... Кровь! Разорванный и окровавленный халат! Издалека кровь можно принять за краску, но сам-то Аристарх прекрасно понимал, чем испачканы его пальцы! Откуда же она так обильно текла? Из раны на предплечье, которая сама собою превратилась в тонкий шрам. Или не сама собою? Может, подобная регенерация – одно из свойств того пространства, в котором он оказался?

Значит, все-таки оказался. Значит, все-таки был тот странный серый мир со спертым воздухом, шевелящимся мхом и марлевыми стенами...

Гранин попытался восстановить в памяти все, что увидел. Чудные, а вернее – неуместные здесь и сейчас приборы и устройства. Почему, по какой логике стоящие на полках осциллографы в том пространстве превратились в барометры, а электрические тестеры – в песочные часы? Или два мира абсолютно разделены и вовсе даже не повторяют друг друга с карикатурными искажениями? Ничто ни во что не трансформируется, просто здесь одна лаборатория, там – совершенно другая, и не стоит искать соответствия между здешней лазерной установкой и тамошним автогеном? И каменное здание в той реальности не имеет никакого отношения к Институту автоматики и электрометрии, просто так совпало, что Гранин переместился в похожее помещение, также связанное с научными изысканиями?

Но пунктир зависших над полом осколков! Но плечо и колено вахтера, застывшего, завязшего в мрачном, сером тумане в конце коридора! Ударная волна, которая выпихнула Аристарха из лаборатории и вообще из реальности, исчезнувшая, замершая в другом мире и возобновившаяся, едва он вернулся обратно!

Все это указывало на то, что Аристарх наблюдал за искаженным, но родным миром из некоего параллельного пространства, в котором он провел несколько секунд, тогда как в привычной реальности время либо совсем остановилось, либо минуты растянулись на часы.

И самый главный вопрос: что же вызвало перемещение? Взрыв? Или он – только побочный эффект процесса, запущенного совместной работой нескольких мощных агрегатов? А что могло взорваться в лаборатории, да еще так, что верстаки разметало в стороны?

Гранин посмотрел на часы – половина шестого. Через два часа начнут подходить на работу сотрудники. За это время необходимо обнаружить причину взрыва и попытаться хоть отчасти устранить его последствия.

Застонав, он поднялся и, пошатываясь, поплелся в сторону стенда. Под подошвами хлюпала жидкость из лопнувшего резервуара, хрустели осколки стекла. От генератора электромагнитного поля до сих пор шел дымок – что-то

там внутри закоротило, сгорело, и с этим тоже предстояло разобраться. Вот где бы только сил найти на все это?

Впрочем, важно одно... Аристарх даже замер, словно с размаху натолкнулся на эту мысль, и она его ощутимо так стукнула по лбу. Да, действительно, сейчас важным было только одно: Гранину невероятно хотелось вновь попасть в тот мир! Уже не в качестве жертвы аварии во время опытов, разумеется, а в качестве исследователя и потребителя. Если та реальность позволяет проходить сквозь стены и заживлять раны... Это какие же горизонты открываются! Он рассмеялся – слабенько, почти беззвучно, но в его состоянии даже это можно было расценивать подвигом. Турбулентность! Забавно, право слово! Да кому нужна турбулентность, если тут такое сокровище?! Диагностика жидкостей и газов – мелкая, местечковая проблема по сравнению с глобальными перспективами, которые сулил иной мир. Да, ради этого придется потрудиться. Методично, кропотливо и настойчиво. Может быть, куда больше, чем при тестировании анализаторов, но оно того стоило. Нужно воспроизвести всю последовательность действий, которые привели к открытию двери в чужую реальность, нужно вычислить все параметры, необходимые для перемещения, нужно добиться устойчивости процесса, и тогда... О, тогда – здравствуй, Академия наук! Здравствуйте, седобородые профессора, закосневшие в своем фундаментализме! Не хотите ли познакомиться с другими физическими законами – законами, открытыми Граниным? Здравствуйте, сотрудники государственной безопасности! Не хотите ли воспользоваться нереальными возможностями, которые вам предлагает прибор Гранина? А вы, медики-травматологи? Может, довольно уже зашивать и бинтовать? Две минуты в пространстве Гранина – и жертва автокатастрофы как новенькая!

К приходу сотрудников ему удалось навести хоть какое-то подобие порядка. Впрочем, никто из них так и не попал на рабочее место, поскольку Аристарх очень удачно занял всех другими, не лабораторными делами. Двух лаборантов он отправил в свой кабинет – якобы пришла пора сдавать отчеты в архив, а для этого папки из двух высоченных шкафов требовалось сгруппировать, составить общий список, каждый отчет снабдить пояснительной запиской, перенести всю эту груду в полуподвал и уже там, в архиве, проследить, чтобы каждая папка была внесена в ведомость. Двух научных сотрудников он снарядил в экспериментальный цех с длинным перечнем деталей, которые необходимо изготовить. Еще одного отправил догуливать отпуск, порекомендовав отдохнуть в Томской области, где сейчас царит черноморское лето. Впрочем, «Прогноз погоды» и там уже обещал со дня на день резкое похолодание и первые ночные заморозки.

Освободив себе таким образом рабочее пространство, следующие трое суток Аристарх вкалывал как проклятый. Домой не уходил совсем, ночевал здесь же, в лаборатории. Спать удавалось урывками, по два-три часа, в закутке за ширмочкой, на жесткой банкетке. Питался... ну, вроде чем-то питался. Во всяком случае, изредка осознавал себя идущим в институтскую столовую или уже оттуда.

Это был не исследовательский азарт – это была одержимость. Однажды добившись успеха, пусть даже случайно, трудно бывает остановиться, пока не добьешься повторения. Какой-нибудь химик, готовясь впервые смешать новые реагенты, теряется в догадках: а что из этого получится? У Аристарха была ситуация противоположная: он знал конечный результат, и теперь ему всего-навсего требовалось подобрать верные компоненты. Всего-навсего...

Он разобрал генератор, дабы выяснить, что именно сгорело, и из этого сделать вывод, на что конкретно пришлась наибольшая нагрузка во время опытов. Он позвонил на подстанцию и узнал, какого рода случились перепады в промышленной сети аккурат в тот момент, когда он экспериментировал с частотами лазерной установки и увеличивал мощность электромагнитного поля. После этого ему потребовалось собрать схему, которая воспроизводила бы подобный скачок напряжения. Затем...

Затем – бесконечная череда попыток.

Черт бы побрал стеклянную трубку, которая в тот раз нагрелась и треснула, а теперь никак не хотела менять температуру! Черт бы побрал предохранители, которые горели прежде, чем он успевал повысить нагрузку! «Я смогу! – решительно говорил он сам себе. – У меня получится!» Несмотря на все трудности, невзирая на усталость, он испытывал такой же подъем, как в былые времена, как пятнадцать лет назад, в момент основания Наукограда под Новосибирском.

На четвертые сутки его куда-то вызвали. Он был настолько изможден, что даже не нашел в себе сил переспросить, куда и зачем, просто послушно обесточил аппаратуру и поплелся вслед за человеком, которого прислали в лабораторию.

– Аристарх Филиппович, да ты здоров ли? – спросила неясная, размытая фигура сопровождающего и вдруг трансформировалась во вполне определенного,

знакомого Гранину члена профкома института. – Ты когда спал в последний раз, друг сердечный?

Аристарх простодушно пожал плечами. Когда-то спал, это он точно помнил.

– Ну-ка! – Энергичный член профсоюза взялся за его локоть крепкой рукой. – Пойдем-ка, я тебя кофею по-быстренькому напою.

– Ждут же, – равнодушно напомнил Аристарх, хотя понятия не имел, кто ждет и почему.

– Подождут! – отрезал сопровождающий и потащил Гранина куда-то в сторону.

Кофе он действительно организовал очень быстро – буквально через пару минут Аристарх сидел в удобном кресле и, обжигаясь, прихлебывал напиток невиданной густоты и крепости. В голове потихоньку прояснялось, перед глазами перестали мельтешить лазерные лучи, стеклянные трубки, шкала лимба и прочие элементы экспериментального стенда. Мысленно он, конечно, продолжал быть там, в лаборатории, но и связь с реальностью вновь начал ощущать.

– Вот теперь пора! – придиричиво оглядев Гранина, произнес член профкома одобрительно. – А то ведь так и свалился бы под стол, не дав ответа...

Поскольку собрание проходило в малом актовом зале, Аристарх не смог с ходу оценить, что это за мероприятие. Длинный президиумный стол стащили со сцены вниз, за ним разместилась целая прорва народу. Здесь присутствовал руководитель тематической группы лазерных доплеровских измерительных систем, которому непосредственно подчинялась лаборатория Гранина, – но это была не летучка. Здесь находились секретарь партийного комитета института и его заместитель – но это явно было не заседание парткома. Здесь сидели представители технического отдела, начальники других лабораторий и научных подразделений – но это был не техсовет, на котором обычно утверждали годовой план. И что же это за совещание? И что в данном случае требуется от Гранина? Ах, да! Он должен дать какой-то ответ.

– Здравствуйте, Аристарх Филиппович! – дружелюбно улыбнулся заместитель секретаря парткома. – Простите, что отвлекли от насущного, но у нас с

товарищами назрел ряд вопросов.

Вот как! Не один вопрос, а целый ряд! И вообще – похоже, это совещание-заседание собрано исключительно ради него, Гранина.

– Чем обязан? – с достоинством осведомился Аристарх, лихорадочно соображая, связано это как-то с его поисками прохода в иную реальность, или он попросту забыл сдать отчет, статью, нарушил какие-то сроки...

– Кто начнет, товарищи? – все так же улыбаясь, обратился заместитель секретаря к присутствующим; народ хмыкал, отводил глаза или, наоборот, с неподдельным интересом таращился на Аристарха. – Ну, что же вы? Ну, хорошо, тогда начну я. Итак, товарищ Гранин, в адрес парткома и вашего непосредственного руководителя поступило несколько докладных записок. Все они... хм... довольно странные, и будь это всего один сигнал – мы бы не стали созывать эдакую коллегию, а попросту проверили бы на месте, как обстоят дела. Но записок много, и все они разноплановые и... хм... ну, да, я уже говорил – странные.

Гранин начинал злиться. Зачем впустую тратить столько времени? Есть вопросы – задавайте! Вместе с тем он был немного напуган подобным вступлением. Что же это за докладные-то, да еще и во множественном числе?

– Аристарх Филиппович, вы только не подумайте ничего такого! – прижал руки к груди заместитель секретаря. – Мы все осведомлены о ваших заслугах, о вашем безупречном стаже, о безукоризненной работе лаборатории под вашим руководством... Прошу понять нас правильно: мы всего лишь проясняем ситуацию.

– Проясняйте! – нетерпеливо потребовал Гранин, чем вызвал добродушные смешки.

– Отлично! Вы можете вкратце обрисовать присутствующим, чем конкретно занимается ваша лаборатория в настоящий момент?

Гранин обвел взглядом сидящих за столом. Да, здесь собрались те, кто поймет суть, даже если ее обрисовать вкратце. Тот же секретарь парткома – в прошлом очень толковый инженер.

– Моя лаборатория в настоящий момент, – медленно, отдельно, контролируя каждое слово, начал отвечать Аристарх, – занимается тестированием схемы лазерного анализатора объемных сред и процессов.

– Замечательно! – искренне обрадовался заместитель секретаря и умолк, внимательно глядя на Гранина.

Пауза затянулась.

– Вы ждете конкретики? – догадался наконец Аристарх.

– Если вас не затруднит, Аристарх Филиппович! – ободряюще кивнул непосредственный руководитель Гранина.

Аристарх пожал плечами:

– Мы проводим калибровку измерителя. Это долгий и трудоемкий, но слишком однообразный процесс. Вряд ли вас заинтересуют подробности такого рода. Но если необходимо, я могу припомнить, на какое количество делений шкалы лимба нам удастся продвинуться в течение рабочего дня при определенных режимах работы агрегата.

За столом вновь заулыбались, однако заместитель секретаря шутку не оценил.

– То есть, уважаемый Аристарх Филиппович, вы хотите сказать, что испытания проходят в штатном режиме, без каких-либо... хм... эксцессов?

Мысли Гранина заметались. Что он имеет в виду? Что он может знать о проходе в иное пространство? Как следует ответить, чтобы уйти от этой темы?

– Не припомню, – хрипнул Аристарх и закашлялся; кто-то сердобольный протянул ему стакан воды, он машинально отпил пару глотков.

– Значит, в штатном режиме... – задумчиво проговорил заместитель секретаря и пошуршал стопочкой бумаги, выскивая нужный лист. – А вот по данным технического отдела нашего института, потребление энергии девятой

лабораторией за последнюю неделю серьезно увеличилось. Как вы можете это объяснить?

– Я иногда остаюсь работать ночами, – развел руками Аристарх; поскольку было похоже, что речь пойдет об экономии, он быстро потерял интерес к вопросам «коллегии».

– Да, мы слышаны об этом, – кивнул заместитель. – Я не могу сказать, что партком против подобных инициатив... Это похвально, что столь заслуженный сотрудник использует свое свободное время на благо советской науки... Хотя режиму дня надо бы тоже внимание-то уделять...

Гранин поморщился. Ради этого его оторвали от дела?! Ради того, чтобы ему, взрослому человеку, объяснять, в котором часу следует спать ложиться?! Там, в лаборатории, он, быть может, именно в этот момент нащупал бы искомое!..

Бубнящий заместитель секретаря поймал взгляд Аристарха и даже вздрогнул от удивления, но быстро справился с собой, заговорил тверже и по существу:

– С ночными сменами понятно. Однако, если верить следующей докладной, со вторника перерасход энергии по вашей лаборатории происходит и в дневное время. Вы можете как-то это объяснить?

– Со вторника? – переспросил Гранин. – А сегодня какой день недели?

Рядом, разряжая обстановку, от души рассмеялся приведший сюда Аристарха член профсоюза.

– Заработался ты, Аристарх Филиппович! – громко и радостно провозгласил он. – Вы бы видели, товарищи, в каком состоянии я его сегодня застал в лаборатории! Сомнамбула! Лунатик! Глаза ничего не видят, но руки – руки-то все делают как надо!

Заместитель секретаря неодобрительно на него покосился и продолжил:

– Сегодня пятница, товарищ Гранин. Далее: во вторник же, по данным склада, вы принесли для утилизации несколько разбитых приборов. Список, если

необходимо, я могу продемонстрировать. Вы по-прежнему утверждаете, что никаких эксцессов в лаборатории не случилось?

Аристарх вновь пожал плечами. Кажется, действие кофе кончалось, а исследовательский зуд, наоборот, возобновился – ему очень хотелось поскорее покинуть актовый зал, чтобы кое-что проверить. Ему вдруг показалось, что он пропустил двадцать восьмое деление шкалы. Методичность методичностью, но он действительно очень устал, так что мог случайно прокрутить диск сразу на два деления вместо одного. Однако он понимал, что, не получив ответы, его отсюда не отпустят.

– Я ленив, простите. И педантичен. Если какой-либо аппарат выходит из строя – я не бегу тут же на склад, особенно если в этот момент увлечен экспериментом. Чаще всего в лаборатории можно найти запасной прибор, а с вышедшим из строя заняться на досуге. Зачем утилизировать имущество, когда его можно починить?

– Вы хотите сказать, что все эти осциллографы, тестеры и вольтметры разбились не во вторник, а скопились в лаборатории за некий продолжительный срок?

– Именно.

Заместитель секретаря и кое-кто из присутствующих опустили глаза. Они не верили Аристарху и даже в какой-то степени стыдились его вранья. Что же они знают?

– А генератор, который сгорел? – все еще не глядя ему в лицо, сердито спросил кто-то из техотдела. – Генератор – это вам не финтифлюшка, это дорогостоящее оборудование! Лично мне вообще непонятно, для чего вы его использовали. Разве он необходим для калибровки? Или вы им пользовались для каких-то других... может быть, личных целей?

Ага, значит, им известно про генератор...

– Это дорогостоящее оборудование, – закипая, начал Аристарх, – я собрал в свободное время собственными руками из подручных материалов, которые в избытке нашлись в отделе. На балансе нашей лаборатории генератор не числится! Упреждая ваш возможный вопрос, сразу отвечу: он легко разбирается,

и все подручные материалы возвращаются на свои места. По сути, выгорел единственный блок... Копеечный блок, прошу заметить!

– Аристарх Филиппович! – повысил голос заместитель секретаря, от дружелюбия которого не осталось и следа. – Хочу напомнить вам, что партия является контролирующим органом как на производстве, так и в процессе испытания различных приборов. Копеечный блок или не копейный, а разбазаривать государственное имущество без серьезной необходимости...

– Не нервничайте так, Ким Эрастович! – неожиданно вступил в разговор руководитель тематической группы и непосредственный начальник Гранина, и Аристарх наконец узнал, как зовут безымянного доселе заместителя секретаря парткома. – Девятая экспериментальная лаборатория для того и существует, чтобы тестировать аппаратуру в самых разных, подчас экстремальных режимах. Мы же с вами не хотим, чтобы однажды где-нибудь на производстве разработанный нами прибор вышел из строя просто потому, что мы чего-то не учли, не проверили, не предусмотрели? В девятой лаборатории предохранители, конденсаторы, лампы, реле и целые блоки горели, горят и будут гореть! Только так мы можем выдать результат, которого ждет от нас партия, – методом проб и ошибок, намеренно рискуя и добиваясь оптимальных показателей опытным путем.

Аристарх, почувствовав себя под защитой, начал отключаться. Где-то гудели голоса, а он был уже не здесь, он буквально видел перед собой строчки из записной книжки: вот он зафиксировал данные по двадцать седьмому делению... а вот двадцать девятое. Скорее, скорее надо вернуться на рабочее место и проверить, есть ли запись по двадцать восьмому!

– Аристарх Филиппович! – Заместителю секретаря пришлось постучать карандашом по стакану, чтобы обратить на себя внимание руководителя лаборатории. – Потерпите, у нас осталось не так много вопросов. Значит, тестирование всегда шло и идет в штатном режиме? Но разве штатный режим не предполагает, что за калибровкой должен наблюдать лаборант? Разве это не обязанность научных сотрудников – расшифровывать данные с самописцев? Вот ваши работники сетуют, что вы работаете в одиночестве, а их услали из лаборатории...

– Так уж и услали! – нашел в себе силы отреагировать смертельно уставший, засыпающий Гранин. – Я им поручил заниматься другими, не менее важными

делами.

– И все это тоже случилось во вторник... – недоверчиво мурлыкнул Ким Эрастович. – Вы не находите это подозрительным, товарищи? Перерасход электроэнергии, выведенные из строя приборы, использование мощного генератора, который, по заявлению представителя техотдела, не требуется для производимых товарищем Граниным исследований... В конце концов – отрыв от масс, от коллектива!

– А в чем конкретно вы подозреваете моего сотрудника? – вскинулся руководитель тематической группы. – Вы можете точнее сформулировать и озвучить свои претензии? Со своей работой Гранин справляется...

– Это просто совпадение! – с трудом произнес Аристарх, обдумав наконец фразу про отрыв от коллектива... и еще про что-то. Язык у него ощутимо заплетался, глаза слипались.

– Да вы поглядите! – простер к нему руку Ким Эрастович. – Как он может справляться с работой, если спит на ходу?! Может, у проблемы ноги растут именно отсюда? Как вы давеча сказали? Сомнамбула? Лунатик? Может, и перерасход энергии – разгильдяйство? И разбитые приборы – халатность? Может, и сотрудников он уснул, чтобы они не видели его в таком состоянии? А что вы скажете на это? – Заместитель секретаря парткома снова покопался в ворохе бумажек и вытянул одну. – По словам вахтера Мурзина Эс Пэ, ветерана войны и героя труда, в ночь с понедельника на вторник он встретил товарища Гранина в коридоре института на первом этаже. Сейчас... вот: «Вид гражданин Аристарх Филиппович имел непотребный, за дверью лаборатории слышался шум и грохот...»

– Ему показалось! – почти беззвучно выдавил Аристарх, вспоминая, какое деление он только что имел в виду.

– Показалось? Значит, в ту ночь никаких эксцессов не произошло, эксперимент шел в штатном режиме... Так?

– Так.

– Тогда почему вы, – торжествуя, расплылся в улыбке Ким Эрастович, – почему вы во время эксперимента находились вне лаборатории?! Разве не предписано инструкцией не оставлять без присмотра столь сложное оборудование?! И не нужно рассказывать мне сказки: товарищ Мурзин прекрасно видел, как вы обесточили аппаратуру – вы сделали это уже после того, как он застучал вас праздничношающим по коридору! После того, как, по его словам, в лаборатории раздался шум и грохот! Что вы на это скажете?!

Неизвестно, что сказал бы на это Аристарх, но в этот момент сбоку от сцены, в кулисах, зазвонил настенный телефонный аппарат, и Гранина будто подбросило: вот оно! Вот то самое недостающее звено! В ту ночь, непосредственно перед взрывом, в лаборатории зазвонил телефон! Возможно, звуковые колебания и спровоцировали... Это требовало немедленной проверки!

Ни слова не говоря, он сорвался с места и выбежал из актового зала.

– Аристарх Филиппович! Товарищ Гранин! – угрожающе крикнул вдогонку Ким Эрастович и, не дождавшись ответа, театральным жестом простер руку – дескать, вы это видели?

– Ким, он же ученый, – примиряющим тоном, мягко сказал член профсоюза. – У него такое в голове, что нам с тобою и не снилось!

Заместитель секретаря побагровел.

Глава 2

Сентябрь 1973 года

Ведунья Танечка, проходящий сотрудник районного Ночного Дозора, только-только закончила уборку в кабинете. Собственно, уборки той – переломить пару специальных амулетов, и вот уже бумажки с отчетами легли на угол стола ровной стопочкой, пыль исчезла словно по волшебству (хотя почему – словно? именно по волшебству и исчезла!), полы засверкали чистотой.

Довольная собой и чуть-чуть уставшая (ох уж эти заботы по хозяйству!) Танечка плюхнулась на широкий кожаный диван, закинула ногу на ногу и совершенно случайно замечталась.

Ночное дежурство прошло без приключений. Исполняя в отсутствие Евгения обязанности старшего в районном отделении, она всякий раз побаивалась: вдруг что-нибудь случится? Что она, канцелярская мышка, сможет сделать, если произойдет что-то по-настоящему серьезное? В лучшем случае – позвонить в область, позвать кого-нибудь на подмогу. Но райцентр был городком спокойным, да и в окрестных селах особо не шалили, так что в эти несколько дней и ночей собственные опасения были самым серьезным, с чем Танюше пришлось справляться. Один раз заглянул на регистрацию Светлый, не состоящий в Дозоре и приехавший в командировку по работе – обычной, человеческой. Пару-тройку раз звонил Сашка Богданов из родного областного отдела – неофициально, не за рапортами, а просто так, узнать, все ли у нее в порядке. Разумеется, делился новостями, да только было тех новостей... Все руководство, все самые умелые маги находились сейчас в Загарино и окрестностях, вели поиск Иных, пропавших без вести после первых атак Ворожея-Неваляшки, опрашивали бывших членов секретной общины, пытались разобраться с мотивами и нынешним местонахождением виновника всех бед – основателя магического совхоза, Хозяина, предположительно – сына Первого Шамана Дога. Богданов мог рассказать Танюше только то, что ему самому стало известно с чужих слов, а испорченный телефон у Иных подчас был куда более затейливым, нежели у сплетников из числа людей, и зачастую самые простенькие факты, передаваемые из уст в уста, обрастали чудовищно неправдоподобными подробностями.

К слову, одним из первых слухов такого рода стал душераздирающий рассказ о том, как Евгений Угорь пал смертью храбрых в бою с Ворожеем, и якобы куча народу видела, как глава Томского областного Ночного Дозора Сибиряк, не скрывая слез, не стесняясь рыданий, лично нес его тело на руках через весь лагерь объединенных отрядов Темных и Светлых. Но в тот момент Танюша уже знала, что Женя жив. Как, откуда знала – непонятно, потому что вроде бы даже не пыталась выяснить это через Сумрак. Просто внутри поселилась уверенность, что с руководителем районного отделения все в относительном порядке, и скоро жизнь станет прежней: она будет приезжать сюда из Томска два-три раза в неделю, ругаться на него за то, что безвылазно торчит в кабинете (когда не патрулирует, разумеется), составлять за него отчеты о проделанной работе, привозить ему книжки с легендами и мифами... Ох, поскорее бы.

Однако сейчас у Тани был другой повод помечтать. А тут еще и Муслим Магомаев из приемника принялся торжественно и проникновенно рассказывать под музыку:

Это было во все времена,

Очень близкие или далекие,

Когда ты оставалась одна,

Одинокая, одинокая...

На первом же припеве Танечка пригорюнилась – вот она, бабья доля! Даже если ты умеешь плести чары и заглядывать в Сумрак – от одиночества не застрахована ни одна волшебница, ни одна ведунья.

А на втором припеве дверь в кабинет стремительно распахнулась, и на пороге появился Угорь.

– Физкульт-привет работникам сумеречного труда! – улыбнулся он.

Танечке показалось, что улыбка вышла вымученной, но в первый момент она не стала ничего анализировать – подхватила с места, с воплем восторга кинулась Евгению на шею.

– Угореоочек! Как я рада тебя видеть! Ты почему так похудел? Ты отчего такой смурной? Ой, что было-то, что там было, а? Вы же победили? А его поймали, да? А наши – все целы?

Дав вволю пощебетать и повисеть на нем девушке, от избытка чувств даже не слушавшей его ответы, Угорь мягко отстранил Татьяну и огляделся.

– Я смотрю, у тебя тут образцовый порядок, – с улыбкой констатировал он очевидное. – Чаем-то напоишь своим фирменным?

- И напою, и накормлю! – засуетилась Танечка, захлопотала и вдруг остановилась. – Жень, – внимательно наконец посмотрев на него, встревоженно произнесла она, – тебе бы лечь. Ну-ка, давай-ка на диван! Тебе помочь?
- Что за глупости?! – возмутился сконфуженный Евгений. – Присесть – присяду, а лежать сейчас некогда. Чаю попью – и займусь текущими делами...
- Ну, какие дела, Жень? Все тихо и спокойно, райцентр в твоё отсутствие враги не захватили. А даже если б и так – ты же едва на ногах держишься! Ты вот для чего сюда приперся, а? – Танечка уперла руки в бока; сейчас, когда волна неконтролируемой радости схлынула, она вновь превратилась в прежнюю Танечку – деловую, строгую и воинственную, какой ей всегда хотелось выглядеть на работе. – Так, быстро: ноги в руки – и на выход! Сегодня у тебя отсыпной, завтра – выходной, я так решила. Угорь, да ты слышишь ли меня?!
- Слышу, слышу... – уныло откликнулся Евгений. – Поспать – это да, это неплохо было бы.
- И не только поспать! Полечить бы тебя... – Танюша оглядела кабинет, словно искала, что могло бы ей пригодиться в процессе лечения дозорного. – Так, все, пошли.
- Куда? – удивился Угорь.
- Домой тебя провожу. Ляжешь, а я поколдую немножко.
- Колдовать сейчас нельзя! – запротестовал Евгений. – Сейчас в Сумраке черт-те что творится!
- Знаю, сообщили, уведомили в первый же день, как только Ворожей «воды в движение привел». Ну, это не помеха. Это ведь вы, маги, напрямую с Сумраком работаете. А у нас на любой случай – амулетик, заранее заряженный, травка сушеная, настоечки разные...
- У меня дома травок и настоечек нет, – на всякий случай предупредил Евгений.
- Вот дурной! Пошли уже, у меня все с собой.

Дозорный с подозрением осмотрел ведунью, которая даже дамскую сумочку не стала забирать из кабинета, и мысленно пожал плечами: с собой – так с собой, а где именно – не его дело. Впрочем, едва выведя под ручку на крылечко, она прислонила Евгения к стеночке и со словами «Стой смирно, я сейчас!» ненадолго вернулась в кабинет. Стоять в сонной неподвижности и ничего не делать неожиданно оказалось занятием приятным. Городок (а точнее, его центральная часть) располагался на возвышенности, и отсюда дозорному были видны не только дома на окраине, но и поросшие кедром холмы вдалеке. Неяркое сентябрьское солнце пробивалось различимыми отвесными столбами света сквозь облачную хмарь, подкрашивало контуры крыш, обрисовывало тут и там силуэты случайно избранных деревьев, оглаживало лица прохожих, растворялось в глянцевом блеске луж и капотов работяг-грузовиков, ползущих по объездной трассе. Неуловимые пылинки-паутинки танцевали в этих световых полосах, подталкиваемые прохладным ветерком. Скребли тротуар подсушенными коготками съезжившиеся разноцветные листья кленов...

Только сейчас Евгений осознал, как он устал и соскучился.

Сюда его подвезли на машине знакомые оперативники из Новосибирска, возвращавшиеся домой аккуратно мимо райцентра. Поскольку свою – вернее, служебную – «Волгу» Угорь «утопил» в Сумраке неподалеку от Загарино, попутка оказалась весьма кстати. В дороге дозорные, включая Евгения, все еще находились под впечатлением от недавних событий, живо обменивались историями, информацией, результатами поисков пропавших сотрудников, всевозможными слухами и планами на будущее. Угорь не только не отставал от них в активности – наоборот, он находился в центре внимания, как Иной, довольно близко видевший Ворожея и Хозяина в орлином облике, с одной стороны, и хорошо знакомый с Сибиряком, Аесароном и Денисовым – с другой. Пока обсуждались вопросы, пока рассудок все еще был настроен на их решение, а тело – на действия, об усталости не думалось. Некогда сейчас уставать, дел невпроворот! Но стоило переступить порог собственного кабинета, стоило услышать Танюшин щебет и подумать: «Я дома!» – все. Будто выключатель сработал. Даже добраться отсюда до съемной квартирки сейчас казалось огромной проблемой. Может, стоит вернуться на старенький кожаный диван, такой удобный и такой близкий... И как же хорошо, что сегодня отсыпной, а завтра – выходной! На самом деле Сибиряк приказал отдыхать три дня, но Угорь считал, что управится и за полтора. Конечно, в Сумраке сейчас такой ураган, такой водоворот, что местные Темные не осмелятся сунуть туда даже кончик носа, поэтому пакостей в ближайшие несколько суток от них можно не ждать.

Но все же. Да и Танечка – не железная. Она и так несколько дней и ночей дежурила в полном одиночестве, без поддержки и подстраховки.

А еще дозорный, подставив лицо тусклому, ласковому полуденному солнышку, размышлял о том, что он действительно рад возвращению в этот, по сути, чужой для него город. За неполный год он изучил тут каждую улочку, каждую подворотню. Ему нравилось здание вокзала, он полюбил резные ставенки в окнах деревянных домов на окраине, привык к скромной архитектуре в центральной части, он всерьез тосковал по запахам яблок и поздних осенних цветов, доносящимся со стороны рынка. Он соскучился по гвалту мальчишек, гоняющих в пыли мяч, и разноцветным бантам в косичках девчонок, прыгающих через скакалку... Может, кто-то резонно возразил бы ему, что подобного добра в любом городке хватает. Ну да, верно. Вот только о других городках он давно уже не тосковал, а в этот его тянуло.

Танюша, вернувшись из кабинета и заперев его на обычный замок в реальном мире, уверенными и не терпящими возражений движениями «повесила» правую руку Евгения себе на плечи, сама же левой рукой, просунув ее под курткой, крепко обняла его за пояс. Теперь, по мнению ведуньи, они напоминали парочку, прогуливающуюся после киносеанса, – местные влюбленные именно так и ходили, полуобнявшись. Единственным отличием было то, что гулять они предпочитали в сумерках, скромно уходя подальше от широких улиц и фонарей, но у Евгения с Татьяной выбора не было. К тому же объятиями назвать это можно было лишь с большой натяжкой – Танюша поддерживала дозорного, а он опирался на нее, будто раненый на медсестру, но если не приглядываться...

– Вот оно когда все проявляется! – недовольно бубнила ведунья, стараясь попадать в такт неловким от усталости шагам оперативника. – Раньше попросить прохожего помочь – ничего не стоило! Ну, стало плохо человеку – кто же откажется поддержать, довести до дома?! Ни один сознательный гражданин не откажется! А теперь...

Угорь и сам уже задумывался об этом. В случаях крайней необходимости, когда иных вариантов не было, он без раздумий мог воспользоваться случайно подвернувшимся человеком – что-то принести, куда-то отвезти, рассказать о чем-то и так далее и тому подобное. При этом он не испытывал никаких угрызений совести – он же не для себя, не просто так, не попусту воздействует! Но вот возникли непредвиденные обстоятельства, нет сейчас возможности произвести вмешательства самого мелкого уровня для служебной надобности –

и все, и потерялся Иной. Даже поймать на улице попутку и попросить подбросить – как-то совестно. Это словно расписаться в собственном бессилии. Одно дело – бессилие Иного: сейчас все в такой ситуации варятся, всем прогулки в Сумраке на ближайшее время заказаны. Другое дело – оказаться слабее обычных людей. Что-то унижительное было в этом.

– Скорее бы уже все «воды» пришли в норму! – продолжала выказывать недовольство ведунья. – Мне кажется, еще пару недель – и мы все с ума дружно посходим.

Евгений хмыкнул. Танечка встрепенулась, вывернула шею, заглянула ему в глаза:

– Что, скажешь – не так?

– Ты не застала, наверное. Одиннадцать лет назад случился Великий Холод. Тоже, кстати, осень стояла...

– Что за Великий Холод? – с подозрением спросила ведунья, которая считала, что раз уж она инициирована в середине шестидесятых и работает в областном отделении – значит, знает все-все на свете, а если вдруг о чем-то не слышала, то следует искать подвох.

– Карибский кризис помнишь? Ну, вот. А ему предшествовала крупная провокация обоих Дозоров одним безумцем[10 - Великий Холод и события времен Карибского кризиса описаны в романе Николая Желунова «Дозоры не работают вместе»]. Причем провокация такая... в международном масштабе. Угроза ядерной войны – это только одна сторона того кризиса. Поначалу мы куда больше опасались, что начнется глобальная битва в Сумраке – между Темными и Светлыми. Настолько глобальная, что... – Он жестом попросил Таню притормозить, постоять минутку, отдышаться. – В общем, тогда вынуждена была вмешаться Инквизиция и наложить запрет на использование магии на территории всей Евразии – от Владивостока до мыса Рока. – Танюша по-прежнему смотрела недоверчиво, и Угорь ввернул для убедительности: – Да ты у Сибиряка спроси при случае, он тебе подробнее расскажет, поскольку летал в Москву по этому поводу, был практически участником тех событий...

Ведунья подумала-подумала – и кивнула, соглашаясь.

- И что – совсем-совсем нельзя было магией пользоваться?

- Ну, те магические процессы, которые были запущены до наступления Великого Холода, продолжали действовать. А вот новые заклинания творить не получалось. Ощущение было такое, словно руки за спиной наручниками сковали... И так – целый месяц!

- Ужас какой! – искренне прониклась Танечка.

Они поковыляли дальше. После продолжительного молчания ведунья наконец не вытерпела:

- Угоречек, а ты сколько лет в Дозоре?

- Шесть, – усмехнулся Евгений, уже предвидя, каким будет следующий вопрос любопытной сотрудницы.

- Значит, в шестьдесят втором ты... Жень, а и правда – чем ты занимался, когда не состоял в Дозоре?

- Разным! – ответил он, стараясь, чтобы прозвучало весело и беззаботно.

- Ты ведь понимаешь, – насупилась Танечка, – что после такого ответа я просто обязана буду заглянуть в наш архив, как только вернусь в Томск!

- Та-аня, – укоризненно протянул Угорь. – Неужели ты до сих пор этого не сделала?

- Издеваешься, да?! – возмутилась девушка, поправляя на своих плечах неожиданно тяжелую руку оперативника, и многообещающе покивала: – Ла-адно...

Евгений улыбался. Ему нравилась Танюша – особа романтическая, впечатлительная и любопытная. Славная, симпатичная девчонка! Ее внезапный интерес и угроза – все это выглядело забавно и даже комично – в хорошем смысле этого слова. Что же касается архива... Ну, какую-то информацию она там

неприменно выудит. Да только вряд ли ее допуска хватит, чтобы узнать действительно все.

Про Сибиряка и его поездку в Москву во времена Большого Холода он ляпнул наобум: просто предположил, что фигура такого калибра не могла оставаться в стороне от событий. А сам Угорь был... далеко он был в тот момент и не без оснований сомневался, что информация о его тогдашнем местонахождении содержится не то что в областном архиве Дозора, но даже и в центральном.

Квартира, которую занимал Евгений, располагалась в здании бывшей школы. Когда-то это длинное одноэтажное здание с высоким каменным цоколем и деревянными стенами было поделено на три класса, учительскую и вытянутый общий коридор. Впоследствии, когда в центре городка отстроили двухэтажную кирпичную восьмилетку со столовой и спортзалом, старую школу было решено переделать под служебное жилье для приезжих специалистов. Классы полностью изолировали друг от друга, в коридоре поставили перегородки, и для каждой из четырех получившихся квартир сделали отдельный вход со двора. Евгения поселили в самой крайней, самой маленькой каморке – бывшей учительской. Здесь была всего одна комната и закуток за печкой-голландкой, который Угорь использовал как кухню. Правда, в печи не готовил – попросту не умел. Зато на колченогом столике, доставшемся от прежних постояльцев, стояла электроплитка с двумя спиралями. Очень удобно: на одной он обычно варил себе яйца или макароны, на второй кипятил чайник.

Комната напоминала жилище аскета; собственно, Угорь таковым и являлся. Пара скрипучих стульев, шкаф для одежды и белья, книжная полка и топчан – по мнению Евгения, этого было более чем достаточно для сна и отдыха. Все остальное время он проводил либо на рабочем месте, либо в патруле.

Вновь прислонив руководителя районного отделения Ночного Дозора к стеночке, Танюша скинула туфли и по-хозяйски затоптала босыми пятками по крашеным листовничным половицам – туда-сюда, туда-сюда. За полторы минуты она успела обнаружить, что, кроме заварки и пшеничной крупы «Артек» с изюмом, в закромах Евгения ничего нет, что сложенных возле голландки дров хватит на одну закладку, что за водой придется сходить, а топчан необходимо передвинуть ближе к округлому боку печки.

– Зачем топить? – раздеваясь, вяло интересовался Угорь. – Тепло же! Кто ж в сентябре избу протапливает?

Танюша и с перестановкой справилась сама, и за водой сходить ему не дала. И пусть чувствовал он себя крайне неловко, сопротивляться сил не оставалось, дремотное состояние все сильнее захватывало его. Опустившись же на топчан, он и вовсе сразу же отключился. Сквозь сон до него едва-едва доносился приглушенный скрип дверных петель, лязг ведерных ручек, шипение воды в чайнике и треск сухих поленьев. В этой квартирке никогда не пахло домом и уютом, а тут вдруг – запахло.

В какой-то момент он понял, что Танечка стягивает с него рубашку, и даже попытался помочь ей в этом, поскольку в комнате становилось жарко. Ведунья непринужденно, будто тюк с тряпьем, перевернула его на живот, снова застучала по полу босыми пятками, а потом он почувствовал на спине что-то горячее, почти раскаленное.

– Ай, – равнодушно пробормотал он и поежился.

– Не трепыхайся! – приказала Таня. – Терпи! Иначе толку не будет.

Он и терпел. Усталость и боль в натруженных мышцах улетучивались, словно Танюша пользовалась магией. Горячее, по ощущениям, время от времени перемещалось, менялось местами, словно кто-то переступал лапками по его голой спине. Почему-то вспомнилось, как прошлой зимой участковый Денисов мазал Евгения зеленкой, обрабатывая раны, полученные в схватке с оборотнем-гепардом. Что-то такое говорил тогда Федор Кузьмич, в чем-то упрекал дозорного... дескать, не дело это, когда даже спину помазать некому... и какая-то неправильность была в том, что происходило сейчас, какое-то несоответствие тому, что подразумевал пожилой милиционер.

Будто иллюстрируя отголосок ускользающей мысли, раздался вежливый стук в дверь, и после Танечкиного «Да-да, входите!» в комнату шагнула Вера.

?/?

Вера потеряла Женю больше недели назад. Он и раньше, бывало, исчезал на день-два, никогда и никаких подробностей ей не сообщал, но по его же обмолвкам она делала для себя выводы, что ее таинственный молодой человек ездит в срочные местные командировки. Возможно, с внезапными проверками

(это если она склонялась к версии, что он работает ревизором), а возможно, с куда более секретными заданиями (если ей вновь начинало казаться, что Евгений как-то связан со структурами госбезопасности).

Два дня – это предел. Обычно после этого он вновь появлялся в универсаме возле пожарной части – в светлом тонком пальто и клетчатом шотландском шарфе, или в тенниске и легких брючках, или в обычной брезентовой куртке и резиновых ботах – в зависимости от погоды и времени года. Он улыбался ей и заказывал очередной скромный ужин, состоящий из пирожков и стакана соку, и по его улыбке Вера догадывалась: все хорошо, он справился со всеми своими секретными заданиями, он победил всех вражеских шпионов или нечистых на руку директоров, он снова здесь, и сейчас, после работы, она пойдет с ним гулять по вечерним улочкам городка.

Два дня она не волновалась. К вечеру третьего забеспокоилась, вечером четвертого вышла на прогулку сама – прошлась по тем местам, где они ходили вдвоем. Нет, не встретила. Она успела передумать кучу разных нелепых мыслей – начиная с того, что она, мол, Жене больше не нужна, и заканчивая твердой уверенностью, что он может лежать где-то раненый. И хорошо, если только ранен! И хорошо, если ранен где-то здесь, в райцентре, а не за тридевять земель, в дремучей тайге, посреди дороги из одного глухого селения в другое.

Вера понятия не имела, куда ей обращаться за помощью в поисках. Она не знала ни места его работы, ни места его жительства. Не слышала от него о проживающих здесь родственниках, не общалась ни с одним из его знакомых, кроме... кроме... Да, точно, как-то по весне им с Евгением встретила по пути очень интересная собой девушка, которую он назвал своей сотрудницей... Как же ее звали? Мариночка? Леночка?

– Вер, тебя там какая-то Таня спрашивает! – окликнула ее Светка из молочного отдела, и Вера бросилась к телефону, как к спасению, забыв рассчитать покупателя.

Что скажет ей интересная собой сотрудница Танечка? Чем обрадует? Чем ошарашит? Где он, что с ним?

– Вера, здравствуйте! – бойко заговорили в трубке. – Вы меня, наверное, не помните...

– Я помню вас, Таня! – оборвала девушку Вера, задыхаясь от нетерпения и страха. – Он жив?

– О господи... – опешила Женина сотрудница на том конце провода и трижды символически поплевала, и вышло это настолько смешно и искренне, что Вера мгновенно сообразила, что самая главная опасность миновала. – Жив, конечно, кто ж ему даст помереть-то? Со здоровьем, правда, пока не очень, но мы это быстренько поправим, не волнуйтесь. – Тон ее стал совсем деловым: – Вера, я хотела вас попросить. У Евгения дома наверняка шаром покати. Даже если что-то и было до отъезда – испортилось без холодильника-то. Вы не могли бы принести продуктов каких-нибудь...

– Каких? – с готовностью спросила ее Вера, пытаясь унять нервную дрожь.

– Ну, суп сварить чтобы. И второе. И к чаю чего-нибудь. Это не слишком вас затруднит?

– Нет, что вы?! А куда это все принести?

Танюша диктовала адрес, а Вера уже мысленно составляла список вкусного и полезного. Закончив разговор, она побежала к заведующей – отпрашиваться. Даже придумывать ничего не пришлось – дорогой ей человек болен, ему нужен уход. Она, правда, не спросила, чем и насколько серьезно болен Женя. Может, ему куриный бульон сейчас нужнее, чем наваристые щи, но это ничего, она постарается учесть все варианты и принести как можно больше, чтобы он ни в чем не нуждался.

Случайно или намеренно, но Таня выбрала самую подходящую кандидатуру для поручения. Продавец в большом универсаме – кто еще мог бы лучше справиться с покупкой продуктов? Однако Вера надеялась, что совсем не это повлияло на Танечкино решение позвонить ей на работу. Воодушевленная, она летела к дому Евгения, не замечая оттягивающих руки авосек. Прилетела.

В полумраке сеней, перехватив тяжеленные сумки одной рукой, другой помогла себе снять туфельки и негромко постучала. Ей приглушенно ответили, и Вера отворила дверь в комнату.

Конечно, она догадывалась, что может застать дома у Евгения кого-то из его родственников или коллег по работе – ту же сотрудницу Таню. Но она и представить себе не могла, в каком неловком, чудовищном положении окажется.

До пояса раздетый Женя лежал на топчане, Танечка – растрепанная, взопревшая и тяжело дышащая – встретила Веру в одной нижней рубашке. Кремовый шелк комбинации не просвечивал, но так плотно облегал фигуру, что из-под него проступали кружевные очертания тугого лифчика, а длина ее не скрывала ни коленей, ни крепких, загорелых, молодых бедер. Сердце Веры рухнуло куда-то вниз.

– Проходи, проходи, – возбужденно затараторила Таня и сдунула со лба влажный завиток волос. – Мы тут... вот...

Мучительно, накатом покраснев, Вера сунула ей в руки авоськи и захлопнула за собою дверь. Господи, стыд-то какой! Зачем она ей позвонила? Зачем предложила прийти? Может, продукты – это только повод, а на самом деле Женина сотрудница хотела продемонстрировать, каковы на самом деле ее отношения с начальником? Чтобы юная провинциальная продавщица не питала никаких иллюзий на сей счет?

Из-за двери слышался голос Евгения, и Вера, подхватив туфли, стремяглав выскочила из сеней.

?/?

– Вот я сейчас не поняла, – с изумлением глядя на захлопнувшуюся дверь, сказала Танюша.

– Вера! – попытался привстать Угорь. – Вера, стой!

– Лежать! – сердито прикрикнула ведунья и потащила сумки в закуток за голландкой. – Ох уж мне эти ранимые комсомолки! Не разберутся, не сообразят – а уже выводы делают.

– Ты почему нагишом?! – с отчаянием воскликнул Угорь.

Округлив глаза, Таня возмущенно фыркнула.

– Ты обалдел, что ли, Жень?! Тут сейчас градусов пятьдесят, я и так насквозь мокрая! Магией-то камушки, которые у тебя на спине, сейчас не раскалишь, не нагреешь, вот и приходится старым дедовским способом, в печке... – Она тараторила с вызовом, но Угорь улавливал в ее голосе смущенные, виноватые нотки. Впрочем, что это меняло? Вера подумала о них невесть что, обиделась, сбежала... Танечка снизила тон, сказала примирительно: – Ты не беспокойся, я позвоню ей и все объясню.

– Нет, мне надо самому!

– Тебя она сейчас и слушать не станет, она уже все себе придумала.

– Какой кошмар...

– Видали и кошмарнее! Лежи и не трепыхайся.

Угорь лежал и страдал. Страдал оттого, что оказался в нелепейшей ситуации, оттого, что достаточно узнал Веру, чтобы понимать, какие мысли и чувства кипят сейчас у нее внутри. И так-то все нескладно, а тут еще и Танечка в нижнем белье у него дома! И как назло – Сумрак бурлит! И не послать вдогонку снимающее обиду и тревогу заклинание, и не произвести минимальное воздействие, вселяющее уверенность. Положа руку на сердце, Евгений не был уверен, что использовал бы возможность произвести воздействие на Веру. Но когда у тебя даже возможности нет – это чересчур!

– Когда ты меня вылечишь? – строго спросил он у Танечки.

– Я вообще-то только начала! – обиженно отрезала ведунья.

Зашуршали невидимые Евгению бумажные пакетики и кулечки, поплыл по комнате запах сушеных трав, а потом и аромат какого-то травяного напитка – горький и пряный.

Весь следующий час ведунья разминала его усталые мышцы, втирала в кожу неведомые снадобья, окуривала густым и влажным, словно в русской бане,

дымом, затем переместила его в сидячее положение, укрыла плечи толстым одеялом и заставила выпить не меньше литра горького отвара. После этого Угорь уснул, и на сей раз это было не беспмятство ослабшего, обессиленного больного, а вполне нормальный сон идущего на поправку человека.

Он проснулся ближе к вечеру, когда на половицы уже легли ромбовидные желтые заплатки заглянувшего в окно закатного солнца. Жар от голландки развеялся, комната была проветрена и прибрана после Танечкиных процедур, на электрической плитке дребезжала крышкой пятилитровая кастрюля.

- Там ффи, - проследив за взглядом Евгения, прокомментировала ведунья. - На неделю фватит. И фтобы ел, понял? Я не для крафоты их фварила.

Говорила она невнятно, поскольку как раз в этот момент закалывала волосы в пучок, подняв над головой обе руки, а шпильки держала в зубах. Она уже привела себя в порядок, была одета, как и положено в доме у одинокого мужчины, но Евгений вновь покраснел, вспомнив недавнюю ситуацию - высоко оголенные загорелые бедра Тани, ее обтягивающую розовую комбинацию и растерянный взгляд Веры.

- Налить щей, что ли, пока я тут? - поинтересовалась ведунья. - Или сам справишься?

- А... ты куда?

- Вот балбес! На работу, куда же еще?! Отдежурю - утром загляну. Не безобразничай тут без меня! Чтоб никаких подвигов, ясно? Сидишь, лежишь, питаешься и отдыхаешь. Даже на двор - только по нужде, прогулки тебе сейчас ни к чему.

- Танюш... - негромко позвал он.

- Ммм?

- Спасибо тебе!

– Ой, брось! – бойко отмахнулась она. – Не все же мне бумажки с места на место перекладывать? Даром целительства я, может, и не обладаю, но кой-чего умею же! И мне практика, и тебе польза. Так что нечего тут спасибкать. Впрочем... – Она остановилась уже в дверях, обернулась, задумчиво нахмурилась. – Если все же надумаешь отблагодарить – а ты ведь надумаешь, я тебя знаю! – так вот: чтобы твои порывы не оказались напрасными, я тебя кое о чем попрошу. Не сейчас, конечно, а как на ноги встанешь.

– Что случилось?

– Да ничего не случилось, Жень, не бери в голову. Просто дело такое... деликатное. Сама я не справлюсь, а чужому такое не поручишь...

– Таня, – обеспокоенно привстал Угорь, – ну-ка, давай-ка рассказывай!

Ползли по половицам солнечные ромбы, кипели на плитке щи, жужжала вяло сражающаяся с оконным стеклом муха, покоем веяло отовсюду, и чувствовал себя Евгений так, словно целый месяц отдыхал в Пицунде. Вернее, организм себя так ощущал. Даже занимаясь магическим восстановлением после разного рода травм, полученных в схватках с нарушителями еще в будущем оперативником областного отдела, Евгению ни разу не удалось довести свое тело до такого идеального состояния. Хоть в пляс, хоть в бой! Вот только плясать нынче не хотелось совершенно, а боем не решить размолвку с Верой.

– Жень, поверь, ничего серьезного и срочного! Я бы, может, и сама справилась, да не знаю, с какого боку подступиться. Я же на сыщицу не училась!

– Так. – Угорь хлопнул себя ладонями по коленям. – Ты давай-ка не стой в дверях-то, сядь и подробненько мне расскажи. С самого начала. А до дежурства времени достаточно.

Таня действительно вернулась в комнату, тихая и медлительная от задумчивости, покусывающая нижнюю губу и немножко растерянная. Но садиться не стала – прошла для чего-то к голландке, прижала ладони к шершавой беленой поверхности, будто бок у печки все еще был теплым, а ей непременно хотелось согреться. Так она и начала свой рассказ, стоя спиной к Евгению.

– Со мной тут совершенно случайно познакомился один парень... ну, еще до всей этой истории с Неваляшкой. Он не Иной, обычный человек.

– Здесь познакомился, в райцентре?

– Нет, в Томске. Он меня после работы встречал, до дома провожал...

– Подкарауливал, что ли? – спросил Угорь, мысленно перебирая имена ребят из областного отдела в Томске, которые могли бы взять на себя охрану ведуньи.

– Ну, почему сразу подкарауливал? – То ли Евгению показалось, то ли Танюша и впрямь была смущена. – Просто встречал.

– Что значит – просто? Нет, Танечка, раз он за тобою следил, раз он преследовал...

– Жень, ты издеваешься сейчас? Никого он не преследовал! Мы с ним в разные места ходили... Вместе, понимаешь? Ну, чего ты молчишь?

– Пытаюсь сообразить, какие у тебя с ним могут быть дела.

– Ну, какие дела, Женька?! – с отчаяньем воскликнула девушка. – Любовь у нас с ним!

Угорь изумился, но счел, что благоразумнее будет промолчать. Ну, любовь. Ну, всякое в жизни случается.

– Угоречек, ты вот сейчас совсем-совсем не смотри на меня, ладно? – взмолилась Танюша, нервно косясь на сидящего на топчане Евгения. – Я и так, наверное, ярче пионерского знамени, а тут еще и ты с немим укором...

– Я не с укором, – попытался оправдаться дозорный, – я просто не ожидал...

Девушка наконец отняла ладони от голландки, развернулась всем корпусом, всплеснула руками от досады, затараторила с горечью:

- Не ожидал он! Ну конечно, кому в голову придет, что молодым симпатичным ведуньям тоже бывает одиноко, что мы - такие же бабы, ничем не лучше и не хуже! Думаешь, мне не хочется семью завести? Да даже если и не семью - не сутками же на работе пропадать! Это ты готов не есть, не спать, с утра до ночи в кабинете сидеть да улицы патрулировать. Да и то - в кино-то с Верой захаживаешь, правда? И мне хочется... ну, чтобы и в кино не одной пойти, и по парку вдвоем прогуляться, и чтобы дома меня кто-нибудь из этих моих командировок ждал... А я ведь влюбчивая, Жень! В самом деле влюбчивая. Знаешь, как это трудно - в строгости себя держать, когда душа другого требует? Я вон даже в тебя успела влюбиться...

- Когда это? - вытаращил глаза руководитель районного отделения.

- Ой, да давно уже, - нетерпеливо отмахнулась Таня. - Ты и этого, чудак, не заметил. Ну и прошло само собою. Но не век же мне ждать да наблюдать, покуда все само собой проходить мимо меня будет?! Природа - она такая, она женского счастья требует!

Евгений призадумался. В женском счастье он абсолютно ничего не понимал. То есть, когда тебя тянет к человеку, когда ты уже влюбился, - тут все ясно. А вот так, чтоб сидеть и страдать о ком-то гипотетическом, пока еще неизвестном, но непременно прекрасном, и называть это дело ожиданием женского счастья... Нет, не понять ему этого.

- А тебя не смущает, что он - обычный человек?

- Смущает, - с готовностью согласилась Танечка. - Точнее, меня раньше это ужжжасно смущало. А потом поглядела - ты с Верой; туземец этот, друг твой Денисов, тоже с обычной женщиной живет; Крюков с Катериной. - Она в задумчивости потербила рукав, затем решительно одернула и едва слышно произнесла: - Я тоже хочу.

- Слу-ууушай, - протянул Евгений; он и сам не помнил, у кого подцепил манеру растягивать это слово, но уже не раз замечал, как употребляет его. - Ну, если тебе мой совет нужен...

- Нет-нет-нет! - горячо заговорила Таня, мотая головой. - Я же понимаю - одинокий мужчина в таких делах плохой советчик. Ты уж прости, но если ты

целый год с Верой не можешь разобраться – где уж тебе меня поучать? Ой... Это ничего ведь, что я опять про тебя с Верой, да еще и в таком ракурсе?

Евгений сник. Лихо она его на место поставила! Якобы оговорилась. Якобы случайно у нее, болтушки эдакой, вырвалось. А на самом деле?

А на самом деле Танечке было больно и стыдно – она ведь только что перед ним наизнанку выворачивалась, о самом сокровенном рассказывала в запале. Во влюбчивости своей призналась, в несуразном для девушки ее возраста и внешности одиночестве, в недавно возникшем чувстве к молодому мужчине. Теперь раскаивается, глупая. Хотя понятно: такое с мамой принято обсуждать или лучшей подруге на ухо шептать, но, видно, не было у ведуньи возможности выговориться кому-то по-настоящему близкому, не нашлось более подходящей кандидатуры, вот и доверилась Евгению. А сейчас вдруг опомнилась и, без сомнения, корит себя, и злится, и неловкость испытывает, оттого и укорот ему устроила, оттого и дерзила – сбежать надумала, вот и подыскала повод повздорить. А сбежать ей очень хочется, потому что неумоготу перед ним стоять еще более обнаженной, чем днем, и щеки распунцовелись дальше некуда, и слезы стыда вот-вот из глаз брызнут.

Покивав собственным мыслям, Угорь едва не потянулся в Сумрак, намереваясь «погладить» ауру девушки, успокоить ее, заставить сердечко стучать чуть медленнее и тише, выкинуть из мыслей никчемное смущение. Едва не потянулся – но вовремя опомнился: нельзя пока в Сумрак, не был еще снят запрет. Как можно станет – Сибиряк оповестит.

– Ты чего? – Таня, терпеливо дожидавшаяся его реакции на свою бестактность, в итоге не выдержала. – Обидела я тебя, да? Вот я дрянь такая! Ну, прости, Угоречек, прости дуру! Все, я убежала с глаз долой...

– Сто-ять! – по-военному скомандовал Евгений, и Танюша послушалась, вновь остановилась на пороге.

Все необходимое Угорь выяснил буквально за три минуты – где и при каких обстоятельствах познакомились, сколько раз встречались, куда ходили. Со стороны выглядело если и не идеально, то вполне добропорядочно. Очаровательный и обходительный молодой человек не позволял себе ничего лишнего, однако... Однако было в нем что-то, что беспокоило Танюшу, какое-то

несоответствие внешнего внутреннему. Посмотреть сквозь Сумрак она сперва постеснялась: неловко это как-то – прощупывать ауру обычного человека, который к тебе так замечательно относится. Тут Евгений ведунью прекрасно понимал, поскольку сам крайне трепетно относился к этому вопросу в отношениях с Верой.

В общем, все бы ничего, но в последнем телефонном разговоре, когда Танечка сообщила примерную дату своего возвращения в Томск, молодой человек пригласил ее в гости – знакомить с мамой. А знакомство с родителями – это шаг куда более ответственный, нежели спектакль в областном театре; здесь уже хочется понимать, действительно ли это тот самый мужчина, с мамой которого тебе придется в будущем общаться. Отказаться от похода в гости, повременить, отложить на неопределенный срок? Но не обидит ли это парня, который так мило ухаживал и искренне радовался ее скорому возвращению? Мало того что просто расстроится, так еще и (вот ужас!) может подумать, что Таня – легкомысленная особа, которой развлечений вполне достаточно и которой чужды серьезные отношения. Но и принять приглашение – значит дать повод думать, что ты готова перевести отношения на какой-то новый уровень.

Ситуация усугублялась тем, что именно сейчас воспользоваться возможностями Иной Танюша не могла. Впрочем, как и Евгений. Оставалось надеяться, что через пару дней бурление Сумрака утихнет, и тогда оперативник, обладающий в подобных делах куда большим опытом, сможет разобраться, что же так царапает ведунью, что же ее настораживает в своем новом знакомом.

На том и порешили. Клятвенно пообещав Тане никому не рассказывать о ее просьбе, Угорь наконец позволил сотруднице Ночного Дозора отправиться на службу.

Вечерело. Послonyaвшись по комнате, но так и не найдя себе занятия, Евгений окончательно затосковал. Дурацкий день. Долгая дорога, возвращение, постыдная, унижительная немощь, непонятные восстановительные процедуры в исполнении ведуньи, появление Веры в самый неподходящий момент, все эти разговоры с Танечкой об ожидании счастья и проблемах одиночества...

Дозорный уже и не помнил, когда в последний раз оказывался настолько не у дел, всегда находились хоть какие-то занятия. Сейчас они стали бы действенным средством, чтобы отключиться от переживаний и перевести мысли в рабочий режим, однако заняться было попросту нечем. Даже книжку не

почитаешь, поскольку настенная полочка абсолютно пуста, если не считать букетика пластмассовых ландышей и фарфоровой собачки, оставшихся от предыдущих постояльцев. А ведь впереди ночь! Мало того что ночами Евгений привык бодрствовать, так еще и выспался сегодня днем с запасом! В патруль ему нельзя, даже просто гулять Танюша покамест запретила. Эдак и свихнуться недолго, особенно если постоянно думать о ситуации с Верой.

Казалось бы – чего тут думать?! Подойти, поговорить, объясниться. Жаль, Евгений не может пригласить Веру домой, чтобы познакомить с родителями, как тот неведомый молодой человек в Томске. Наверное, для девушки такое приглашение значило бы гораздо больше многих слов, которые могут быть сказаны.

Завтра, все завтра...

Но как быть с днем сегодняшним?

Совсем скоро начнут возвращаться из окрестностей Загарино остальные участники противостояния – Химригон, Остыган Сулемхай, Качашкин со своей гвардией и все прочие местные Иные. Быть может, уже завтра руководство Дозоров оповестит о том, что Сумрак успокоился, и это будет означать, что от Темных снова можно ждать неприятностей. Пожалуй, на радостях те могут разойтись не на шутку. И как же ему в такой ситуации выкроить время для поездки в Томск, как помочь Тане? Нет уж, если ехать – то только сейчас! Все, что необходимо для проверки, она ему уже сообщила. Он может вылететь ночным рейсом в область, утром быстренько выяснить интересующее и к вечеру вернуться. У него – законный выходной, так что это исключительно его дело, как сей выходной провести. Ну и что, что Танечка велела ему сидеть дома и набираться сил? Он прекрасно себя чувствует, он отдохнул, он отоспался – так почему бы ему не провести коротенькое расследование? Тем более что объект – даже не Иной.

?/?

Дворник был огромен и обладал довольно примечательными, почти негритянскими губами, сейчас сурово поджатыми. Угорь, широко раскрыв глаза, изумленно и беззастенчиво пялился на него, пока рассвет, сторожко оглядываясь и замирая на каждом шагу, входил во двор. Мужчина вроде едва-

едва пошевеливал плечами, но амплитуду и ускорение своей метле придавал такие, что невольно вспоминались русские богатыри, мечами, палицами, а то и простыми оглоблями обращавшие толпы врагов в бегство. Густой россыпью взметающаяся в воздух после каждого замаха листва лишь усугубляла ассоциацию. Евгений даже переменял положение, сел на лавочке полубоком, чтобы удобнее было любоваться.

Дворник наконец тоже заметил его, буквально на долю секунды замедлил движение, а затем продолжил уборку подъездной дорожки как ни в чем не бывало. Медленно, но верно он приближался к детской площадке, на которой расположился Угорь.

Небо светлело, поднималось выше крыш новых многоэтажек. Тонкой работы серебристый иней, покрывающий остатки травы, бледнел и «потел», обращаясь невесомыми облачками пара и подвижными капельками, шустро скользящими вниз по стеблям, будто спешащими спрятаться в невидимые норки. Тишина могла бы звенеть в прозрачном сентябрьском воздухе, если бы не шипела и не шуршала, подчиняясь ритму, заданному метлой.

Наконец дорожка вдоль дома была выметена, дворник поравнялся с лавочкой, остановился напротив, положил обе ладони на верхушку толстого черенка и принялся недовольно разглядывать Евгения. Вывернутые негритянские губы были по-прежнему строго поджаты, кустистые брови сдвинулись к переносице. Теперь возникла совсем другая ассоциация – он словно явился из тех времен, когда дворник по праву считался старшим в доме и во дворе, следил не только за чистотой, но и за порядком и безопасностью, разбирался с непрошеными гостями и бродягами, а при случае, не дожидаясь городского, сам мог запросто скрутить воришку или хулигана. Дворников слушались, дворников уважали и побаивались. Вот и сейчас Угорь на мгновение ощутил себя нарушителем, вторгшимся на подведомственную такому хранителю порядка территорию. Оробеть, может, и не оробел, но дальнейшее развитие ситуации предсказать бы уже не рискнул.

– Здравствуйте! – вежливо проговорил дозорный, с интересом ожидая реакции.

Дворник, однако, еще некоторое время молчал, сверля Евгения недобрым взглядом. Затем пробасил:

– А чего это вы, гражданин, к примеру сказать, никуда не идете? Ежели подустали да отдохнуть присели – так ведь уже передохнули, наверное, а? Немножко посидеть – оно, к слову упомянуть, не возбраняется. Или ждете кого?

Угорь, невольно перенимая деревенскую манеру собеседника, задумчиво нахмурился, посмотрел куда-то вдаль, словно прислушиваясь к доносящемуся оттуда ответу, пошевелил беззвучно губами, затем с медлительной доверчивостью произнес:

– Тут ведь как? Сразу-то и не скажешь. С одной стороны, как говорится, жду. А ведь с другой стороны, ежельше разобраться, то, может быть, и дождался уже. Может быть, фигурально выражаясь, вы – как раз тот, кто мне нужен.

– Это как так? – вздернул кустистые брови дворник. – Как можно ждать, сам не знаю кого? Это вы меня, гражданин, к слову сказать, в заблуждение хотите ввести! А ну-ка документики-то покажите свои!

– Всеу свое время, уважаемый. Документики я вам покажу всенепременно, потому как человек вы такой, что я и сам испытываю внутреннюю потребность вам их предъявить. Но тут ведь как? Вдруг вы откажетесь оказать содействие? Тогда, ежельше разобраться, документы я должен показать не вам, а тому, кто содействие оказать не поленится и не побоится. Согласны?

Даже если дворник был не согласен со сказанным, высказать это он не рискнул. Слово «содействие» – оно такое, обязывающее. Мало ли что за тип сидит в засаде, мало ли кого он караулит? Вот так поднимешь шум раньше времени – а потом себе дороже выйдет. Поэтому сначала лучше вникнуть в суть, а потом уже принимать меры.

– Ну? – требовательно прогудел могучий дворник.

– Хорошо ли вы знакомы с жителями этого дома? – деловым тоном осведомился Угорь.

– Десять лет тут обретаюсь. К примеру сказать, ежели кто-то новый въехал, так похуже знаю. А ежели, к слову упомянуть, давненько проживают – так получше.

– Стало быть, вы можете быть мне полезны, – после паузы, с нарочитым сомнением оглядев фигуру собеседника, протянул Евгений. – Кооперативный гараж неподалеку знаете?

– На Энгельса? – пошевелив бровями, уточнил дворник.

– Ага, на Энгельса, за пятым домом. Наверное, слышали, какие люди в том доме проживают? – Угорь воздел глаза в небесную высь и многозначительно присвистнул. – Недавно одна семья, фигурально выражаясь, съехала на новое место жительства, освободив в том числе и гараж в кооперативе. В управление тут же поступило несколько заявок, как говорится, от претендентов. Тут ведь как? Благосостояние советских граждан растет, автомобилей с каждым годом выпускается все больше, это мы понимаем. Но ведь к таким людям, – Евгений снова воздел очи, – абы кого не присоседишь, верно? Понимаете меня, уважаемый? Вот и поручено мне разобраться, что это за претенденты такие. Вдруг они, теоретически выражаясь, скандальные или неблагонадежные? – Угорь ткнул пальцем в метлу, на которую по-прежнему опирался собеседник. – Вдруг мусорить станут? Вот я и хожу, выясняю, разбираюсь. Вчера на Шоссейной улице дежурил, справки наводил, нынче вот тут сижу.

Дворник поразмыслил над сказанным, разнял чрезмерно выпуклые губы:

– И кто же из наших, к примеру сказать, в тот гараж наострился?

Угорь, сохраняя деловитость и вместе с тем оставаясь подстроенным под деревенскую размеренность богатыря, неспешно залез во внутренний карман пиджака, вынул аккуратно сложенный шуршащий листок, сделал вид, что сверяется с записями.

– Жильцы шестьдесят седьмой квартиры, Серпинские Захар и Наталья. Судя по годам рождения – скорее всего мать и сын, а не супруги.

Дворник хмыкнул и нахмурился.

– Что это вы примолкли, уважаемый? – участливо спросил оперативник. – Неужели все-таки неблагонадежные жильцы?

Мужчина повздыхал, побряхтел, затем сделал пару шагов и присел на ту же лавочку, на которой располагался дозорный.

– Это они, значит, машину приобрести надумали... Ну, что же, дело это, к примеру сказать, правильное. Особливо ежели благосостояние, как вы, гражданин, подметили, у советских людей растет.

– Что же вас смущает?

Дворник снова хмыкнул, провел шершавой ладонью-лопатой по лбу, встряхнулся.

– Я, к слову упомянуть, об жильцах никогда ничего плохого, окромя хорошего, не говорил. И теперь говорить не стану.

Теперь уже хмыкнул Евгений, убрал сложенный листок с именами в карман, поднялся и, добавив в голос металла, произнес в пространство:

– Значит, плохое за ними имеется. Ну, мне этого вполне достаточно, чтобы оформить отказ. А остальным пускай занимаются компетентные органы. Большое спасибо за информацию и, как говорится, за содействие!

– Нет, гражданин, вы погодьте, погодьте! – забеспокоился дворник, поднимаясь вслед за дозорным. – Я же вам ничего и не сказал, а выходит так, что я Серпинским сделал, натурально сказать, пакость! Вы так не надо, гражданин, вы сплеча-то не рубите! Я, к слову упомянуть, человек простой, необразованный! Мало ли что мне они не по ндраву, так ведь общественный порядок не нарушают, за мусор исправно оплачивают, на собрания в ЖЭК ходят...

«Ишь ты! – с усмешкой подумал Евгений. – Совесть какой богатырь попался!» Собственно, на то и был расчет.

– Ну, тогда рассказывайте, а мы уж разберемся.

– Да так-то, что называется, ерунда. Ежели подумать, кто я такой? Ежели вдруг кто не хочет со мною здороваться – так закона такого нет, чтобы с дворниками непременно надо было здороваться. А что свысока глядят, а то и вовсе нос

воротют – так работа у меня, к примеру сказать, не шибко чистая. И отворачиваться от того, кто мусор собирает да снег с грязюкой чистит, приличным людям, к слову упомянуть, не возбраняется. Но ежели ты чуть что бежишь к этому дворнику за помощью – так будь добр хотя бы отблагодарить! – Мужчина раздосадованно цыкнул зубом, покачал головой. – Я ведь, к примеру сказать, жильцам всегда бесплатно помогаю – кому дверь вскрыть, как ключи потеряли, кому шкаф старый разобрать да на помойку вынести, как своих мужиков в дому нетути. Ну, так они – жильцы, стало быть, – и относятся ко мне соответствующе. Егор Палыч то, Егор Палыч се, вот те к праздничку рюмочку беленькой, вот те яблочек с собственной дачи, а иногда ведь и рублик в карман сунут – из уважения и благодарности. А вот, к слову упомянуть, кто и не улыбнется тебе ни разу, и уважения никогда не проявит – те мне, стало быть, не по ндраву.

В надвигающемся утре смущенное басовитое гудение дворника напоминало то ли прибывающий пароход, то ли церковное песнопение – громко, мощно и с редкими-редкими сменами тональности. Как бы Серпинские в окошко его жалобы не услышали!

– Поконкретнее, пожалуйста! – вполголоса, тоном не то сплетника, не то шпиона попросил Угорь.

Дворник пуще прежнего выпятил негритянские губы, сжал черенок метлы так, что побелели костяшки.

– Да вот надысь – замок дверной у них сломался! Ведь ежели ты мужик с руками – так возьми да замени! Нет, к слову упомянуть, зовут Егор Палыча. Егор Палыч, опять же, никогда не отказывает. Что же? Поменял замок, а они бы хоть спасибо мне, я уж молчу про, к примеру сказать, рубль за труды.

– Да уж, вредная какая семейка! – признал Евгений. – А что не оплатили вам работу – так, может, трудная финансовая ситуация у них?

– Какое там! – с досадой повел могучим плечом дворник. – Вы бы видели, гражданин, их квартиру. Я, пока замок-то вставлял, покосился влево-вправо – и в кухне тиривизер, и в зале. А уж музыки в дому – я и в «Культтоварах» столько не встречал! И для пластинок музыка, и для катушек с пленкой, как у маво внука, и радиола, и приемник с ручкой, чтобы с собою в дорогу брать... В калидоре на

вешалке два фотоаппарата «Зенит» висят – эвона, два! Одеваются оба красиво, у Натальи-то Викторовны штук пять осенних пальто, то и дело менять. Теперича вон машиной надумали обзавестись... За гараж заплатить – нет финансовых ситуаций, а рубль за замок – есть ситуация?!

В общем-то Евгению уже и этой информации было вполне достаточно. Как бы замечательно ни ухаживал за Танечкой Захар Серпинский, а невежливый, напыщенный, неблагодарный по отношению к другим скупердяй – явно ей, Светлой, не пара. Впрочем, обиженный на жильцов шестьдесят седьмой квартиры Егор Палыч мог кое-что и преувеличить. Случается такое, что простым людям слишком активно не нравится интеллигенция, особенно заметно обеспеченная по сравнению с ними. Интересно, где же работают Серпинские, раз могут позволить себе всякую «музыку», как выразился дворник? Ладно, про кооперативный гараж и машину Евгений сочинил на ходу, а вот его собеседник не был похож на того, кто так же с ходу сочинил бы про телевизоры и радиолы. Зажиточность, конечно, не порок. Но и не повод воротить нос от простого люда.

Да и довольствуется ли ведунья столь краткой и поверхностной характеристикой семьи – вредные и прижимистые? Вряд ли она именно это имела в виду, когда говорила о несоответствии внешнего внутреннему. Такие досадные мелочи она и сама бы обнаружила, да и разобралась бы с ними без труда, без привлечения посторонних. Видимо, было что-то еще, и значит, нужно проверить детальнее.

Легко сказать – проверить. Рисковать и соваться в бурлящий Сумрак, чтобы оттуда прочитать ауру Захара, страшновато. Евгению хватило нескольких секунд в тот момент, когда Ворожей-Неваляшка «приводил воды в движение» с целью «ополоснуть всю Землю»: именно такими словами в легенде-пророчестве обозначались его действия, направленные на восстановление энергетической целостности слоев Сумрака. На деле же Неваляшка не просто заставил энергию перетекать с более насыщенных слоев на те, где образовались прорехи-аномалии, но и запустил по всей планете нечто вроде сумеречного торнадо – опять же с целью перераспределения неравномерно накопленной Силы. Ведь где-то на планете – посреди пустынь и морей, например, – магическая энергия практически не тратится, поскольку не так уж много на свете Иных-отшельников и Иных-путешественников. А где-то – в крупных городах с мощными отделениями Дозоров или там, где совсем недавно проходили масштабные столкновения, – Сила расходовалась в гигантских количествах. Как выяснилось, ее источник не то чтобы не бесконечен, но может

локально «пересыхать» в тех местах, где спрос на магию значительно превышает возможности самовосстановления запасов, где скорость потребления гораздо выше скорости циркуляции Силы по любому из слоев. Вот Ворожей и «взболтал» Сумрак в месте повышенного риска, а заодно решил аналогичным образом «встряхнуть» и всю Землю. Ну, решил – это весьма условно. Вряд ли Неваляшка обладал собственной волей. Скорее он исполнял волю Сумрака, его породившего.

С порождением тоже момент довольно занятный. Ни Химригон, проживший на свете более четырехсот лет, ни Сибиряк, которому за пятьсот перевалило, никогда с подобным не сталкивались. Редко-редко Сумрак для реализации какой-либо цели воплощал в реальном мире некую сущность – к примеру, Дежурного по апрелю или то же Зеркало. Носителем воли Сумрака в таком случае становился Иной, обладающий набором подходящих качеств – скажем, неинициированный Иной без очевидной склонности к Свету и Тьме или Иной-пророк, являющийся проводником сформировавшегося в Сумраке знания о вероятностях. Но еще никогда доселе в роли носителя воли не выступал обычный человек. До сего момента было принято считать, что Сумрак вообще не может взаимодействовать с обычными людьми. Вернее, взаимодействие получалось анизотропным: человеческие эмоции стекают на первый слой, таким образом люди волей-неволей оказывают влияние на определенные процессы, проходящие за пределами реального мира. Да вот хотя бы взять синий мох – паразита, который обитает на первом слое и питается эмоциями, а люди об этом ни сном ни духом. Сильнее переживает человек – гуще разрастается мох. Чем не влияние, пусть и неосознанное? Обратного взаимодействия не случалось – Сумрак не мог вернуть людям их эмоции или наградить новыми. Не мог он оказать и более серьезного воздействия. До последних дней казалось, что для него людей как отдельных субъектов вообще не существует. Только Иные, будто посредники, могли, черпая энергию Сумрака, оперировать человеческими эмоциями, внушая радость или страх, желание или апатию. Могли подчинять, проклинать, избавлять от проклятий, уничтожать и спасать от смерти.

И вдруг главным героем развернувшейся драмы Сумрак назначает обычного человека – мальчишку без какого бы то ни было потенциала. В том, что Ванька, ставший носителем воли Сумрака, никогда не имел способностей, руководство Дозоров убеждал еще самарский маг Максим Максимович, давний знакомый Ванькиной семьи. В этом же все убедились, когда сущность Ворожея, осуществив свое предназначение, покинула тело парнишки. Конечно, обследование пока было поверхностным. Во-первых, Ваньку пришлось практически вытаскивать с того света – благо, цыганка Лиля, Светлая

целительница невероятной силы, оказалась рядом в нужный момент. Во-вторых, к тому времени энергия Сумрака уже всю бурлила, вышвыривая в реальный мир тех смельчаков, которые попытались хотя бы заглянуть на ближайшие слои. И судя по всему, оказаться вышвырнутым посчастливилось не каждому: некоторые Иные, находившиеся поблизости от эпицентра противостояния возле села Загарино, бесследно исчезли. Хорошо бы, если бы просто сбежали, напуганные беспощадным Невалышкой. Хуже, если не сумели выбраться из «водоворота» и развоплотились где-нибудь на глубинных слоях. В такой ситуации детально обследовать Ваньку не решился бы ни Сибиряк, ни Аесарон. Но Угорь не сомневался, что однажды до этого дело все же дойдет – Дозоры не выпустят студента из цепких лап, пока не разберутся, чем же он так приглянулся Сумраку. Или наоборот – чем не угодил. Ведь для Иного более или менее высокого ранга не составляет труда превратить человека в камень, животное или монстра, но никогда еще насыщенное энергией многослойное пространство не занималось этим лично. И если такое свойство у Сумрака все-таки имеется – о нем неплохо было бы узнать поточнее. На будущее. На всякий пожарный.

Более того: судя по последнему разговору, Сибиряк всерьез вознамерился провести масштабные научные исследования. По непонятному стечению обстоятельств, настоящих ученых среди Иных было исчезающе мало, но для определенных целей можно было привлечь и волонтеров из числа обычных людей. Чем отличается организм Иного от человеческого организма? Какой орган отвечает за наличие способностей? Где именно аккумулируется энергия для их реализации? Или способности – в неких свойствах психики? Было несказанно странным узнать, что никто, по сути, за тысячелетнюю историю сосуществования бок о бок людей и Иных не разобрался в этом вопросе. Или же многие пытались, но ответа не существует?

Что же тогда нащупал Хозяин общины в Загарино? По какому принципу создавалась симфония, сводящая с ума исключительно Иных?

Ох, много всего предстояло выяснить главе Ночного Дозора Томской области при помощи ученых и медиков... Угорь искренне надеялся, что не все из выясненного в процессе подобных исследований осядет в секретных архивах, не на все результаты наложит свой гриф Инквизиция. Интересно же! По сути, Иные сейчас находились на том же этапе познания своего окружающего мира, что и люди в дремучие Средние века: солнце восходит, светит, греет и закатывается за горизонт, и это само собой разумеется, и этим можно пользоваться, но почему

это происходит, что является собой этот процесс – таким вопросом задавались лишь единицы. Вечно растрепанный и рассеянный Сибиряк, похожий на студента-физика, как нельзя лучше подходил на роль дотошного зануды, которому непременно нужно докопаться до истины. И Евгений испытывал настоящий трепет, когда задумывался, у каких истоков он сейчас стоит наряду с Иными-современниками, какие грандиозные открытия все затеянное может сулить. Ведь первыми разгадать тайны Сумрака, вывести физические законы, по которым он существует и делится энергией с магами, – это все равно что первыми вывести на орбиту Земли искусственный спутник, первыми запустить человека в космос!

Воодушевленный такими мыслями, Евгений неторопливо направился к подъезду. Дело нужно закончить, а Угорь не мог считать его законченным до тех пор, пока не взглянет на Серпинского, пленившего сердце доверчивой и романтической ведуньи.

Дом был совсем новым по меркам Томска, в нем даже имелся лифт. Евгений не то чтобы побаивался этих механизмов, еще недавно бывших диковинкой для типовых зданий, но обычно предпочитал проглядывать вероятности, прежде чем войти внутрь: не перетрется ли трос подъемника, не застрянет ли кабина между этажами. Сейчас такой возможности у него не было, так что, вздохнув, он был вынужден положиться на волю случая. Едва лифт тронулся, оперативник почувствовал в груди слабое жжение, и даже не сразу сообразил, что оно – внешнее: в нагрудном кармане пиджака лежал один из охранных амулетов. Напрасно Танечка считала, что маги работают с Силой исключительно напрямую – служебных побрякушек в арсенале сотрудников Дозора тоже было достаточно, вот только подходили они для куда более радикальных мер, нежели лечение-восстановление. Вынув прозрачный стеклянный цилиндр, уже успевший прилично нагреться, Угорь напрягся. Амулет был предназначен для нейтрализации повышенного внимания со стороны Темных. То есть, скажем, признать в Евгении Светлого мага благодаря этому цилиндру мог бы только Темный более высокого ранга, а уж определить уровень и цели дозорного амулет скорее всего помешал бы даже Высшему. Сейчас кто-то настойчиво пытался прощупать ауру оперативника, влезть к нему в голову – и прикладывал при этом такие усилия, что раскаленное стекло, вбирающее всю направленную на хозяина энергию, грозило вот-вот треснуть.

Что же? Значит, кто-то спокойно рассматривает его через Сумрак? Значит, уже можно? А если можно уже не только рассматривать?!

Отшвырнув отработавший амулет, Угорь достал из кармана другой, универсальный для защиты от практически любой магической агрессии. Универсальный – значит не слишком мощный, но пару секунд он поможет выгадать. Лифт как раз подъехал к нужному этажу, еще миг – и автоматические створки начнут раздвигаться. Что там, за ними? Кто ждет Евгения на лестничной клетке? Скользнуть в Сумрак – и закрутиться в бурлящем «водовороте» Силы? Или остаться в реальном мире, понадеявшись на надежность амулета?

Времени на размышления не оставалось, и Угорь поднял с пола свою тень.

Последнее, что он увидел, – летящий ему в лицо файербол.

Глава 3

– Техотдел? Это Гранин. Подключите девятую лабораторию. Почему не можете? Вы, вероятно, не расслышали – это Аристарх Филиппович Гранин, заве... Чье распоряжение?! Экая нелепица... Подключите под мою ответственность, я завтра со всем разберусь... Да почему не можете-то?! Вы мне срываете важнейший опыт! Да плевал я на новые инструкции! Что? И на подпись под инструкцией тоже плевал! Я ведь доложу куда следует, милейший! Как ваша фамилия?

Аристарх шваркнул трубку на рычаги аппарата. Гнев переполнял его, но он попытался успокоиться, отдышаться и сообразить, как ему быть дальше.

Не далее как сегодня утром в институтском коридоре он совершенно случайно столкнулся с научным куратором редакции журнала «Автометрия» и шутки ради поинтересовался, все ли в порядке с рукописью статьи, которая была одобрена к публикации в пятом номере – то есть должна была выйти в ближайшие дни. Куратор мялся, отводил глаза и нес какую-то чепуху о преимуществах ионных газовых лазеров перед гелий-неоновыми. Что это значит, он, собравшись с духом, пояснил минуты через три. Статью Гранина завернули, вместо нее было решено опубликовать другую, об исследовании вибрационных характеристик. Аристарх натуральным образом застыл с раскрытым ртом: текст его статьи являл собой обобщенный анализ всех измерений, проводимых при помощи голографического интерферометра. Добротный анализ. Теперь же место этой

работы заняла почеркушка новосибирских коллег всего об одном виде измерений – Гранин понимал, о каком тексте идет речь, поскольку ознакомился с ним еще в марте.

– А вам известно, что эта статья вторична? – наконец смог он выдать из себя, все еще надеясь, что происходящее – неумный розыгрыш.

Куратор развел руками:

– Видимо, на данном этапе...

– А вам известно, – закипая, перешел в наступление Аристарх, – что авторы статьи ссылаются на старую информацию, взятую из переводных материалов? Вам известно, что наши исследования уже серьезно опередили и превзошли результаты иностранных коллег, на которые ссылаются в статье?

Куратор поджал губы и попытался протиснуться мимо. Вдруг испугавшись, Аристарх сбавил обороты и ухватил его за локоть:

– Пожалуйста! Мне очень нужна эта публикация!

– У вас финансовые затруднения? – по-своему поняв жалобный тон ученого, с толикой презрения кинул через плечо куратор. – Обратитесь в кассу взаимопомощи.

Объяснять, что не в гонораре за статью дело, Гранин не стал. Выпустил локоть собеседника и долго смотрел ему вслед. Нет, не удастся напомнить миру о себе таким способом. Обидно было страшно! Снова перед мысленным взором проплыла холостяцкая, неуютная, не обустроенная комната в «малосемейке», снова почудились рыбные запахи и голоса шумливых соседей. Да удастся ли когда-нибудь избавиться от этого?! Получится ли хоть на шестом десятке лет пожить как приличный, нормальный человек?! Или беспомощного Ристашу и далее будут шпынять все подряд, задвигать, подсиживать, отбивать возлюбленных, лишать публикаций в научных изданиях?! В этот момент он нисколько не сомневался, что отвергнутая рукопись – следствие какой-то закулисной борьбы, интриг и тому подобных мерзостей, которые были ему совершенно чужды. Была ли в этом цель унижить его? Вряд ли. Скорее его обобщенный анализ задвинули по многолетней привычке не замечать скромную

персону заведующего лабораторией. Другие фамилии на слуху, другим авторам попасть на страницы журнала важнее – ведь они не сидят круглосуточно, как Гранин, в кабинете или лаборатории – о нет! Они день за днем напоминают о своем существовании, тратя на это львиную долю рабочего времени! Нет собственных материалов для публикации – не беда, ведь можно перевести чужую статью пятилетней давности! Или воспользоваться результатами исследований лаборатории Гранина – вон сколько пухлых папок с отчетами хранится в архиве!

Впрочем, уж если говорить начистоту – его нынешние исследования не шли ни в какое сравнение с теми, старыми, обозначенными в несчастливой научной работе. Значит, нужно поскорее забыть о неудаче и с новыми силами, с повышенным энтузиазмом броситься на изучение совершенно потрясающих перспектив, таящихся в сумрачном параллельном пространстве.

Так было утром. И вот теперь – еще один удар под дых.

О том, что рано или поздно его ночные «опыты» кто-нибудь может запретить, он догадывался с самого начала. Слишком уж нагло, слишком подозрительно. Ты можешь сколько угодно проявлять инициативу и работать внеурочно, но твои бессонные ночи одобряют только в том случае, если результат будет очевиден. А какой результат мог предъявить начальник лаборатории Аристарх Филиппович Гранин, если он даже обосновать цель своих дополнительных исследований не мог?!

Черт, черт! Как же обидно! Он был уверен, что для достижения устойчивости в эксперименте по перемещению в другое пространство ему оставалась буквально пара штрихов! Прервать опыты в самый решающий момент... Нет, нужно что-то придумать.

С досадой хлопнув дверью своего кабинета, Аристарх направился в лабораторию. Разумеется, бытовое электричество было подключено, но сколько бы он невротически ни дергал рубильник промышленной сети – лабораторная аппаратура оставалась обесточенной. Запитаться от обычной электросети? Чушь, она не выдержит нагрузки...

За неделю Аристарху удалось оптимизировать собранную на стенде схему. Теперь интересующие его блоки могли свободно отключаться и убираться в угол

или под верстаки, подальше от посторонних глаз. При этом на стенде оставалась первоначальная схема, все еще проходящая калибровку – если верить дневным рабочим записям в лабораторном журнале. О турбулентности он уже даже не вспоминал, все свободное время посвящал изучению параллельного мира и упрощению способа перемещения в него.

Правда, полноценным изучением это можно было назвать с натяжкой.

Во-первых, исследуемое пространство было по-прежнему ограничено мрачным каменным помещением. С одной стороны, Гранин осторожничал. Конечно, хотелось выйти наружу и осмотреться, понять, что это за мир и кто его населяет, но удаляться от «лаборатории» с включенной схемой Аристарх пока опасался. С другой стороны, материала для предварительного знакомства и здесь хватало с избытком.

Во-вторых, собственно изучению мешали фантастические трансформации, происходящие с научной аппаратурой, которую Гранин пытался пронести с собой. Элементарный градусник (даже не специализированный, а обычный уличный, измеряющий температуру воздуха за окном) в момент перехода превращался в термометр Андерса Цельсиуса[11 - Андерс Цельсиус (Цельсий) – шведский ученый, в 1742 году окончательно установивший на термометре две постоянные точки. Первоначально он ставил 0° в точке кипения воды, а 100° в точке ее замерзания. Уже после смерти Цельсия шкалу перевернули, приняв за 0° точку замерзания воды.] с перевернутой шкалой. Невзирая на холод, который Аристарх, даже утепляясь, ощущал буквально каждым сантиметром кожи, «шведский термометр» настойчиво показывал семьдесят два градуса. Механический anerоид, фиксировавший в Академгородке показания в районе семисот двадцати миллиметров ртутного столба, в параллельном мире выглядел старинным жидкостным барометром, упорно указывающим «сушь». Компас внешне оставался компасом, но его стрелка вообще никак не реагировала на положение прибора в пространстве, словно магнитное поле здесь отсутствовало. (К слову, морской секстан, который Аристарх видел на грубо отесанных полках в лаборатории другого мира, упрямо указывал вместо севера юго-запад.) С более сложными приборами творилась не менее загадочная чертовщина. С третьего раза Гранин научился протаскивать с собой фотоаппарат, вот только проявленная пленка не могла порадовать ничем, кроме черноты. Любопытства ради начальник лаборатории брал с собой амперметры, вольтметры, инфразвуковые частотомеры и плотномеры. Видоизменяясь, они переставали напоминать самих себя, однако стрелки их покачивались возле определенных

делений, и Аристарх усердно, скрупулезно записывал в тетрадь все показания, что бы они ни значили. Цифры можно будет проанализировать потом, а сейчас самое главное – собрать как можно больше информации. Несколько раз случилось так, что, задержавшись со сбором данных, замешкавшись, Гранин возвращался в свою лабораторию в полубморочном состоянии – настолько выматывало пребывание в ином мире.

Разумеется, он много размышлял над феноменом трансформации, противоречащим всем мыслимым физическим законам. Единственный аналог, который Аристарх мог подобрать, был из области психиатрии: так мозг, сталкиваясь с неожиданным явлением, незаурядной или предельно неприятной ситуацией, чрезмерно неправдоподобным или страшным объектом, преобразует передаваемую глазом картинку в знакомый, привычный, приемлемый образ. Срабатывает внутренняя защита – и мозг интерпретирует информацию так, как ему удобно или выгодно, но совсем не так, как оно есть в действительности. Гранину не хотелось думать, что проблема – в нем самом, поэтому он принял за аксиому то, что не его психика, а именно иное пространство визуально преобразует чуждые для себя предметы в нечто, максимально приближенное по своей сути или назначению. Оптический эффект такой. Ведь полупроводниковый лазерный агрегат, установленный на экспериментальном стенде в родной лаборатории, не переставал быть лазерным агрегатом – просто из-за границы, разделяющей два пространства, он виделся диковинным автогеном. При этом сам Гранин прекрасно знал, как должна выглядеть установка, его мозгу вовсе не требовалось замещать одну картинку другой. А вот в параллельной реальности, похоже, до открытия лазеров оставалась еще добрая сотня лет, поэтому и подсовывал иной мир гостю совсем другой образ.

Он пробовал перенести оттуда различные образцы, начиная с проб воздуха в пробирке и заканчивая отколотыми от стен кусочками каменной кладки и синеватым растением, активно реагирующим на каждое появление ученого. Увы – воздух при анализе оказывался самым обычным, каменная крошка в родном мире обращалась известковой и кирпичной пылью с чешуйками алкидной эмали, которой были выкрашены помещения в институте. А синий мох вообще бесследно исчезал при обратном перемещении.

Несмотря на то что время в двух реальностях текло по-разному, ночей Аристарху все равно не хватало. Слишком много всего хотелось узнать и попробовать. Он уговаривал себя действовать планомерно, не забегая вперед и не нарушая ход намеченных экспериментов. Скажем, он раз за разом проверял и убеждался в

неизменности целебных свойств неприветливого мрачного мира: синяки и свежие порезы, которые Гранин намеренно наносил себе, практически мгновенно исчезали, затягивались, стоило лишь приложить к царапине или месту ушиба ладонь. Кончики пальцев коченели вдвое интенсивнее – но оно того стоило.

Он видел и мог проходить сквозь большинство стен. Он преодолевал длинный институтский коридор за доли секунды и мог наблюдать, как в фойе завязший во времени вахтер пытается донести до выпяченных губ большую кружку с чаем. Аристарха, смутно помнящего о служебной записке, поданной ветераном войны и героем труда товарищем Мурзиным в партком, так и подмывало недобро пошутить: забрать кружку и вложить вместо нее в руку старика что-нибудь мерзкое. Вот, наверное, воплей будет! Но до осуществления дело так и не дошло, а теперь и вовсе неизвестно, дойдет ли когда-нибудь. Без предельной нагрузки переход в другую реальность невозможен.

Вернее, пока невозможен. Все расчеты по энергетике Гранин вел, исходя из первичных условий – из тех самых, при которых впервые был запущен процесс. Так ли необходимы мегаватты для открытия небольшого портала в иной мир?

Разумеется, в перспективе ученому виделся портативный прибор, помещающийся в небольшом чемоданчике. Миниатюрная лазерная установка размером с ручной фонарь – не проблема, куда сложнее достать или разработать батареи повышенной емкости, которые позволят генерировать мощное электромагнитное поле необходимых параметров. Впрочем, еще пару дней назад думал Аристарх, все это придет позднее, когда Академия наук, а следом и весь мир узнает о его открытии, когда прославленному (благодаря Аристарху Филипповичу, конечно же!) Институту автоматики и электрометрии будет выделено дополнительное финансирование на изготовление «Прибора Гранина». Да что там институт! Разработке наверняка будет присвоена государственная секретность, как следствие – Гранина переведут в Москву, в знаменитый ФИАН, откуда он как изобретатель и руководитель темы станет наблюдать за технологами, инженерами-практиками и испытателями. Все силы, все ресурсы будут брошены на усовершенствование прибора!

Вот только пока он не мог обосновать, в чем суть его открытия, да и устойчивости процесса перехода добиться тоже не удалось.

Однако не зря его в свое время назначили руководителем экспериментальной лаборатории – уж кто-кто, а он-то не боялся трудностей, не чурался монотонности, обладал завидным терпением и не считал отсутствие результата поводом для прекращения опытов. Ему перекрыли кислород. Вернее, перекрыли источник энергии, который был ему необходим словно воздух, – ну что ж, придется выкручиваться.

– Думай, Ристаша, думай! – недовольным тоном посоветовал он сам себе и вновь с досадой дернул рубильник.

Тихо загудела аппаратура, засветились спокойным зеленым светом осциллографы. Не веря в эдакое чудо, Гранин затаил дыхание. Может, нерадивый сотрудник техотдела осознал, с кем имеет дело? Может, нагрузку на девятую лабораторию дали случайно, во время какой-нибудь пересменки? Может, отменили новые инструкции?

Аристарх даже не задумался, кто и каким образом мог бы посреди ночи отменить письменное распоряжение парторга. Он понимал только то, что судьба подарила ему еще один шанс, которым попросту необходимо воспользоваться.

Он и воспользовался: вынул из-под верстаков собственноручно изготовленные блоки, подключил к схеме. Возбуждение постепенно охватывало его, он заторопился, выставляя частоту токов накачки и готовя приборы, которые понадобятся ему сегодня там, по ту сторону объемной вязкой тени. Фактически, совершая сотню мелких, быстрых, лихорадочных действий, мысленно он уже был в параллельной реальности, в неприветливом сумрачном мире, и требовалось только щелчком тумблера подать нагрузку на стенд, чтобы переместиться туда физически. Именно по этой причине Гранин не сразу обнаружил присутствие в лаборатории постороннего. А когда обнаружил – выдворять непрошеного гостя или прятать лишние блоки было уже поздно.

Посторонний между тем в полном молчании шествовал по лаборатории, не обращая на ученого ни малейшего внимания. Он протискивался мимо стендов, осматривался, останавливался возле гальванометров с колеблющимися стрелками, с интересом наклонялся над верстаками, рассматривая многочисленные приборы и детали.

Его поведение и особенно молчание пугали, в них чувствовалась угроза. Аристарх мрачно, исподлобья наблюдал за вторгшимся в его владения человеком, пытаясь угадать, что последует за странной ночной экскурсией. Наконец заместитель секретаря партийного комитета остановился посреди лаборатории, скользнул равнодушным взглядом по лазерной установке, вздернул брови, придавая лицу невинное выражение, и улыбнулся:

– Все трудитесь, Аристарх Филиппович?

От тона, от улыбочки и общего напряжения, возникшего над экспериментальным стендом, словно мощное электромагнитное поле, Гранину сделалось совсем нехорошо. Струйка пота сделала зигзаг между восьмым и девятым позвонками, сердце застучало скорее и отчетливее. Неосознанным причесывающим движением он нервно провел пятерней по лысине.

– Ну, что же вы застыли истуканом? Давайте, хвастайтесь, демонстрируйте успехи!

Успехи? Что он имеет в виду? Что он хочет услышать? О чем догадывается?

– Давайте-давайте! – повторил Ким Эрастович, делая ладонью такой жест, каким строгий учитель требует у нерадивого ученика припрятанную шпаргалку. – Ну, что же вы? Стесняетесь? Или в самом деле нечего показать?

Гранин хмурился и покусывал губы, но все еще не представлял, что ему отвечать. Кима Эрастовича это, кажется, огорчило.

– Вот, значит, как... – Он приблизился на пару шагов и прекратил игру. Лицо его окаменело, даже глаза, не моргая, уставились четко в переносицу Аристарха. – Поставьте себя на мое место, уважаемый Аристарх Филиппович. Уж не знаю, за какие заслуги, но вам здесь долгое время выдавали авансы – в вашем распоряжении была экспериментальная лаборатория и практически неограниченные ресурсы. Я вправе получить ответ – как вы всем этим воспользовались, каковы результаты?

Интересно, если рассказать ему о турбулентности – он отвяжется?

– Не пытайтесь хитрить! – словно прочитал его мысли заместитель секретаря. – Сейчас вся ваша репутация и, вероятно, дальнейшая жизнь в науке держатся на тонкой ниточке. Вы нарушили все, что только возможно. Вот даже сейчас – разве вы не знали об инструкции, запрещающей вам пользоваться лабораторной техникой в ночное время?

– Меня с подобной инструкцией никто не знакомил, я не расписывался...

– Бросьте! – оборвал его Ким Эрастович. – Вам было известно о ее существовании. Собственно, я намеренно сегодня припозднился, чтобы понаблюдать, как вы среагируете на прямое распоряжение парткома института.

Только сейчас Аристарх сообразил, что не было никакой ошибки, когда в промышленной сети неожиданно снова появилось напряжение, никакая это не случайность. Вот этот человек – именно он устроил эту нелепую ловушку!

– Итак, чем же вы тут на самом деле занимаетесь, Аристарх Филиппович? Что скрываете от своих сотрудников, от непосредственного руководства, а теперь еще и от партии? Ах да, я же совсем забыл, что у вас ко всему советскому особенное отношение! Не так ли?

– Что за чушь?!

– Разве? – Ким Эрастович вновь оттаял лицом и вновь невинно вздернул брови. – Не вы ли, милейший Аристарх Филиппович, не так давно утверждали, что советской науки не существует?

От возмущения и ужаса Гранин окончательно онемел. Да, действительно, недавно он общался с коллегами, но и предположить не мог, что его высказывания передадут в партком, а там – извратят в таком чудовищном ракурсе! Вообще-то тогда Аристарх вел речь о безграничности науки, об отсутствии у нее национальной или политической принадлежности. Глупо называть закон всемирного тяготения английским на основании того, что его открыл британец; закон действует для всех – и для англичан, и для немцев, и для китайцев, и его принципы и следствия не зависят от того, носит ли человек комсомольский билет в кармане или свастику на рукаве. Это идеология может быть советской. Институты, ученые, изобретения, приборы – тоже, а наука – она общая, как атмосфера, как космос, как весь багаж накопленных человечеством

знаний. Вот такую мысль развивал Гранин в присутствии сотрудников, да еще и в контексте того, что иностранные коллеги как раз прислали уведомление о своем скором визите в Академгородок – они прослышали о новых разработках в области лазерных доплеровских устройств и намеревались перенять опыт. Радоваться нужно было! Но кто-то не просто не порадовался, а поставил в уме галочку и при случае передал слова Аристарха... хорошо еще – в партком, а не в Первый отдел. Впрочем, как знать? Может, уже завтра его вызовут для серьезной беседы...

– Так на кого же вы работаете, Аристарх Филиппович? – ласковым тоном задал Ким Эрастович страшный вопрос, будто снова подслушал мысли заведующего лабораторией.

В стороне стрекотнули самописцы, оповещающие о том, что конденсаторы заряжены и, как следствие, стенд готов к очередному эксперименту. Гранин вздрогнул, Ким Эрастович же невозмутимо оглянулся, пожал плечами и снова уставился в переносицу собеседника. Да собеседника ли?! Кем виделся сейчас Гранин заместителю секретаря парткома? Преступником? Врагом?

Не отдавая себе отчета, Аристарх, будто сомнамбула, на ватных ногах подошел к схеме и щелкнул тумблером. Загудело, засветилось; потекла по стеклянной трубке жидкость, протянулись к ней едва видимые ниточки лазерных лучей. Гранин – напряженный, взмокший – расширившимися глазами следил за оживающими блоками и ждал, ждал... Оглушительно тренькнул встроенный в рукотворный блок звонок, заискрило в недрах генератора, вспыхнула мощная лампа – и на противоположной стене раскрылся нефтяной, каучуковый, объемный портал в виде силуэта самого ученого. Ким Эрастович с любопытством наблюдал за телодвижениями Гранина, но смотрел на стенд, а не на стену, поэтому если и заметил окно в иной мир – то лишь в момент, когда ученый уже шагнул в него.

Все звуки исчезли. Исчез яркий свет. Остался мрак, холод и нервное возбуждение, колотящее Аристарха Филипповича так, будто в его руках работал отбойный молоток.

За «марлевой занавеской» шагали по потолку ветвистые молнии, тянущиеся от древнего резонансного трансформатора и напоминающие лениво шевелящиеся лапки гигантского паука. Белые лезвия пламени надвое рассекали пространство от газовой горелки до полупрозрачной стены. Возле «трапезного стола» с кучей

кованных шестеренок и корявых астролябий в нелепой, неестественной позе застыл Ким Эрастович. Вокруг него наблюдался светящийся ореол, кокон, полыхающий разными цветами, что в потерявшем краски мире казалось особенно невероятным. И Аристарх вдруг отчетливо «увидел» взаимосвязь оттенков призрачного ореола с эмоциями человека. Более того – он увидел нити, связывающие между собой его внутренние органы, и их влияние на эмоциональные нюансы. Вот этот оттенок – раздражение от того, что человек утомлен, хочет спать, но вынужден посреди ночи работать. Вот этот – личная неприязнь к зарвавшемуся ученому. Вот этот, бурлящий и сыплющий искрами, – по всей видимости, амбиции и радость от предвкушения скорой победы. А вот этот – ненавязчивая, но заметная боль, упругой нитью связавшая сознание Кима Эрастовича с сердцем. Аритмия? В груди постоянно колет? Сердечный приступ в недавнем прошлом?

При желании Гранин смог бы с этим разобраться – мрачный мир, как выяснилось, предоставлял для диагностики все условия. Но желание у него сейчас было совсем другое. Заместитель секретаря парткома напридумывал себе невесту что. И, положив руку на сердце, Аристарх готов был признать, что у Кима Эрастовича были на то все основания. Конечно же, заведующий лабораторией не работает ни на какую разведку и не продает научные разработки на Запад, но чтобы доказать это, Аристарху Филипповичу придется во всем признаться, поделиться своей тайной... а он пока не готов! Тем не менее он обязан что-то сделать, иначе... иначе влияния Кима Эрастовича окажется вполне достаточно, чтобы растоптать все то, что уже сделал и к чему стремился ученый.

И тут Гранина озарило: вне зависимости от того, как он поступит – рассмеется заместителю секретаря в лицо или посвятит в секрет перемещения в параллельное пространство, – тот все равно его уничтожит. Личная неприязнь, обида на то, что вот эту серую лабораторную крысу ценят больше, чем его, партийного работника... Рано или поздно – уничтожит. Загребет себе все лавры, сочинит правдоподобную историю о том, как под его чутким руководством...

В горле у Аристарха заклокотало: он не позволит снова унижить себя! Он не допустит повторения позора – как пять лет назад в клубе «Под интегралом», когда его смешали с грязью, сделали посмешищем! Его больше никто и ничто не сможет выбить из колеи!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Нойон (монг. «господин», «князь») – предводитель древних (начиная с XI века) аристократических родов в Монголии и Бурятии.

2

Ли – китайская единица измерения расстояния. В древности составляла 300 или 360 шагов.

3

Бохоли-Хара (бурят.) – Черный Шаман.

4

Река Енисей.

5

Тайджи – господин (хакасский титул).

6

Дворец Ли Лина – строение, воздвигнутое в I веке до н. э. Находится на территории современного Абакана.

7

Тохтамыш – хан Золотой Орды в 1380–1395 гг., хан Тюменского ханства (Тайбугинского юрта) с 1400 г., один из потомков Джучи, старшего сына Чингисхана.

8

Чинги-Тура – столица Тайбугинского юрта. В картах XVI века этот город уже называется Тюменью.

9

События возле села Загарино Томской области, произошедшие в августе 1973 года, описаны в третьей части романа «Участковый» Сергея Лукьяненко и Александре Клемешье.

10

Великий Холод и события времен Карибского кризиса описаны в романе Николая Желунова «Дозоры не работают вместе».

11

Андерс Цельсиус (Цельсий) – шведский ученый, в 1742 году окончательно установивший на термометре две постоянные точки. Первоначально он ставил 0° в точке кипения воды, а 100° в точке ее замерзания. Уже после смерти Цельсия шкалу перевернули, приняв за 0° точку замерзания воды.

Купить: https://tellnovel.com/ru/klemesh-e_aleks-de/syn-doga

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)